Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Костенков Константин Андреевич

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: КОНСТИТУЦИОННО – ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Комарова Валентина Викторовна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 17
1.1. Понятие цифровых прав человека 17
1.2. Система цифровых прав человека 37
1.3. Правовое оформление цифровых прав человека 51
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ 72
2.1. Гарантии реализации цифровых прав 72
2.2. Ограничения цифровых прав человека 91
2.3. Тенденции правового регулирования механизма реализации цифровых прав человека 116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 126
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 130
Приложение № 1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 154
Приложение № 2. Проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Цифровизация общественной жизни, характеризующая современный технологический прогресс, порождает новые вызовы для института прав и свобод человека.

Во-первых, возникает потребность в разработке новых теоретических подходов в области защиты (охраны) прав человека. Особую значимость приобретает изучение двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, адаптации классических прав человека к новым, «цифровым» условиям их реализации, а с другой, формирования самостоятельной группы цифровых прав, требующих собственного теоретического обоснования. Данные процессы обуславливают оживленную междисциплинарную дискуссию среди юристов и философов о природе цифровых прав, их содержательном наполнении, системе и соотношении с основными (конституционными) правами человека. Вместе с тем фокус исследований обращен не только на гарантирование доступа к Интернету, восприятии технологии в качестве блага, права человека, но и предупреждение основных угроз, которые скрывает цифровая среда, признание «права на отключение» – возможности контролировать свое присутствие в онлайн-пространстве.

Во-вторых, актуальность исследования связана с необходимостью совершенствования механизма реализации цифровых прав человека. Сложность представляет определение объема ответственности технологических корпораций за соблюдением цифровых прав пользователей. Требуется разработка сбалансированных правовых механизмов, которые, с одной стороны, обеспечивали бы защиту прав человека в Интернете, а с другой – не подавляли инновационное развитие. Кроме того, важной задачей остается определение критериев ограничения прав человека в цифровой среде.

В-третьих, на сегодняшний день цифровые права человека закреплены прямо или косвенно на международном и внутригосударственном уровнях. Однако их

закрепление в российском законодательстве носит фрагментарный характер и реализовано в различных отраслевых нормативных актах, а правовое регулирование информационных отношений в целом отличается отсутствием системного подхода, единой терминологии и принципов правового регулирования. Указанные проблемы нашли отражение в докладе Совета по правам человека при Президенте Российской Федерации (2021 г., 2025 г.) «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» [1], в котором впервые была обоснована необходимость разработки кодифицированного акта, определяющего правовой статус человека в цифровой среде. Аналогичные предложения содержатся в Стратегии развития связи до 2035 года, предусматривающей создание Цифрового кодекса Российской Федерации как оптимального способа систематизации информационного законодательства[2]. В этом контексте особую значимость приобретают научные исследования в данной области, поскольку их результаты могут быть использованы в процессе будущей кодификации законодательства, что подтверждает практическую ценность и необходимость подобных научных изысканий.

Перечисленные проблемы приводят к необходимости глубокого междисциплинарного научного осмысления.

Степень разработанности темы. Фундаментальные проблемы доктрины прав человека исследованы в трудах теоретиков права: С. С. Алексеева, Р. Алекси, В. В. Лапаевой, В. С. Нерсесянца и др., юристов-международников: Р. М. Валеева, В. А. Карташкина, А. И. Ковлера и др., конституционалистов: Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, В. Д. Зорькина, О. Е. Кутафина, В. А. Лебедева, Е. А. Лукашевой, В. В. Невинского, А. Нуссбергер, Ф. М. Рудинского, А. Шайо и других ученых.

---

[1] Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М. 2021. URL: https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf (дата обращения: 01.08.2026).
Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М. 2025. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 50. Ст. 9094.

Вопросы юридической природы, сущности и системы цифровых прав человека нашли отражение в научных трудах целого ряда российских и зарубежных исследователей. Среди отечественных авторов анализируют данную проблематику И. А. Алешкова, И. А. Алферова, И. Л. Бачило, Н. В. Варламова, М. В. Варлен, В. А. Виноградов, С. А. Грачева, И. Г. Дудко, И. С. Иксанов, Н. Е. Колобаева, И. А. Конюхова - Умнова, В. В. Комарова, А. И. Кравец, С. С. Кузнецова, М. А. Липчанская, А. В. Минбалеев, А. Н. Мочалов, В. Е. Мушаков, С. В. Нарутто, С. Э. Несмеянова, Е. Е. Никитина, И. М. Рассолов, А. Румянцев, М. С. Саликов, Э. В. Талапина, И. А. Трофимец, М. Е. Черемисинова, И. А. Шаблинский и другие. Международный контекст исследования цифровых прав представлен в трудах таких зарубежных ученых, как Б. Кастерс (B. Custers), Д. Каретти (D. Canetti), Дж. Кокколи (J. Coccoli), Р. Дауд (R. Dowd), К. Карппинен (K. Karppinen), М. Ригнер (M. Riegner), Р. Шандлер (R. Shandler) и других авторов.

А. В. Должиков, М. А. Истомин, А. В. Нечкин, И. Ю. Остапович и другие исследователи анализируют механизм реализации и правомерные ограничения фундаментальных прав в Интернете.

Ряд работ посвящен отдельным цифровым правам человека. Право на доступ в Интернет изучают Р. А. Клычев, А. И. Хуснутдинов, А. А. Щербович и другие авторы. Анализ права на забвение (права быть забытым) в цифровом пространстве представлен в трудах Х. И. Гаджиева, Д. И. Дедова, Т. Д. Оганесяна и др. Вопросы защиты персональных данных исследуются такими учеными, как М. Б. Добробаба, А. С. Селюк, В. И. Солдатовой, Л. К. Терещенко, О. И. Тиуновым и другими учеными.

С учетом законодательного закрепления цифровых прав в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 141.1), в научной литературе активно исследуется их разграничение в сфере частного и публичного права. Этой проблематике посвящены работы таких ученых, как В. А. Вайпан, Л. Ю. Василевская, Е. А. Суханов, М. А. Рожкова и др. В финансово-правовой сфере вопросы регулирования цифровых валют и цифровых финансовых активов изучают А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская и другие специалисты. В трудовом

праве актуальной темой является «право на отключение» (право быть офлайн), которое рассматривается в исследованиях Н. Л. Лютова, К. Л. Томашевского О. В. Чесалиной и других авторов.

В последнее десятилетие на диссертационном уровне исследованы отдельные аспекты содержания, механизма реализации, гарантий и оснований ограничения цифровых прав. Так, доступу к сети Интернет как гарантии свободы слова и права на информацию посвящена диссертация А. А. Щербовича[3]. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав исследовано в диссертации А. И. Хуснутдинова[4]. Влиянию цифровизации на институт прав и свобод человека и гражданина посвящена работа В. Е. Мушакова [5] . Одной из задач диссертационной работы Н. В. Варламовой является анализ обоснованности выделения новых прав человека (права на доступ в Интернет, права быть забытым, права на защиту персональных данных) и поколений прав[6]. Г. Е. Волкова в своем диссертационном исследовании анализирует содержание, систему, гарантии и меры защиты цифровых прав человека[7]. Наконец, проблемы реализации и защиты прав и свобод личности в условиях развития современных информационных технологий всесторонне освещает в своей работе А. Г. Дейнеко[8].

Цель диссертации состоит в решении проблемы правового содержания, системы гарантий, пределов ограничения цифровых прав человека; разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию механизма защиты (охраны) цифровых прав.

Цель диссертационного исследования обусловила необходимость решения ряда взаимосвязанных **задач:**

---

[3] Щербович А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2013. 250 с.

[4] Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. 271 с.

[5] Мушаков, В. Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. 238 с.

[6] Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. 817 с.

[7] Волкова Г. Е. Цифровые права человека: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. Ростов-на-Дону, 2025. 223 с.

[8] Дейнеко А. Г. Публично-правовое регулирование отношений по реализации и защите прав и свобод личности в условиях развития современных информационных технологий: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2026. 490 с.

1. Формулирование признаков цифровых прав человека как самостоятельной группы прав человека.

2. Определение системных взаимосвязей цифровых прав с традиционными правами человека и установление их места в общей системе прав и свобод.

3. Выявление динамики правового оформления цифровых прав человека в международных актах, конституциях государств и законодательстве.

4. Раскрытие особенностей механизма реализация цифровых прав человека.

5. Выявление гарантий, обеспечивающих эффективную реализацию цифровых прав.

6. Формулирование оснований и критериев допустимых ограничений цифровых прав.

7. Прогнозирование тенденций развития механизма реализации цифровых прав человека.

Предмет исследования – международные документы, конституции (основные законы) и законодательство современных государств, труды российских и зарубежных ученых в сфере цифровых и информационных прав человека.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере публично-правового регулирования и защиты цифровых прав человека.

Теоретическую основу исследования составляют работы по философии права, доктрины прав человека, теории права, теории конституционного права, конституционного права зарубежных стран, международного права российских исследователей И. А. Алешковой, И. А. Алферовой, И. Л. Бачило, Н. С. Бондаря, Н. В. Варламовой, В. А. Виноградова, С. А. Грачевой, А. В. Должикова, В. Д. Зорькина, В. А. Карташкина, А. И. Ковлера, Н. Е. Колобаевой, В. В. Комаровой, И. А. Конюховой-Умновой, А. И. Кравца, С. С. Кузнецовой, В. В. Лапаевой, В. А. Лебедева, М. А. Липчанской, Е. А. Лукашевой, А. В. Минбалеева, А. Н. Мочалова, В. Е. Мушакова, В. В. Невинского, В. С. Нерсесянца, С. Э. Несмеяновой, А. В. Нечкина, Е. Е. Никитиной,

И. Ю. Остаповича, М. С. Саликова, Э. В. Талапиной, М. Е. Черемисиновой, А. И. Хуснутдинова и других ученых.

Значительное внимание в исследовании уделено анализу научных трудов зарубежных ученых, включая работы Б. Кастерса (B. Custers), Д. Каретти (D. Canetti), Дж. Кокколи (J. Coccoli), Р. Дауд (R. Dowd), К. Карппинен (K. Karppinen), М. Ригнера (M. Riegner), Р. Шандлер (R. Shandler), А. Нуссбергер (A. Nußberger) и А. Шайо (A. Sajó), что позволило рассмотреть изучаемую проблему в сравнительно-правовом аспекте.

Правовую основу диссертационного исследования составляет Конституция Российской Федерации, конституции зарубежных государств; международные правовые акты; законодательство, политико-правовые документы в области информационной безопасности (кибербезопасности) и стратегического (перспективного) планирования (развития) России и зарубежных государств.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает решения Конституционного Суда Российской Федерации и органов конституционного контроля зарубежных государств, судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих полученных результатах.

1. Обоснование цифровых прав человека в качестве самостоятельной группы прав с выделением специальных для них признаков; обоснование многоаспектности понимания доступа в Интернет как права человека, блага, гарантии реализации других прав человека, угрозы, позитивного обязательства государства, технологии.

2. Разработка предложений по совершенствованию федерального законодательства в сфере информационных технологий, кибербезопасности и защиты прав человека. Элементы новизны прослеживаются в результатах исследования механизмов реализации, гарантий соблюдения, а также оснований и критериев ограничения цифровых прав человека.

Положения, выносимые на защиту.

I. Теоретические выводы исследования.

1. Определение цифровых прав как группы относительных субъективных прав, возникших в качестве реакции на социальные последствия внедрения цифровых технологий; их цель заключается в компенсировании рисков нарушения автономии и достоинства личности в цифровой среде, которые в силу технологических особенностей (скорость, объём, трансграничность, необратимость) приобретают повышенную общественную опасность.

Цифровые права человека обладают следующими отличительными признаками: во-первых, возможность реализации права исключительно с использованием цифровых технологий; во-вторых, существование цифровых прав только в пределах цифровой среды; в-третьих, объектом регулирования выступает информация; в-четвёртых, возрастание роли организаций (цифровых платформ, операторов, провайдеров и др.) в соблюдении и защите цифровых прав; в-пятых, характер последствий в случае нарушения цифровых прав человека; в-шестых, особая цель: обеспечивание защиты достоинства, автономии и возможностей человека в условиях цифровой среды.

2. В рамках настоящего исследования предложено определение цифровой среды как совокупности технических и организационных условий, создаваемых для реализации как универсальных прав человека с использованием электронных средств, так и цифровых прав как самостоятельной категории. Под цифровыми технологиями понимаются, во-первых, инструментальные средства, предоставляющие дополнительные возможности для реализации универсальных (традиционных) прав человека; во-вторых, самостоятельное благо, доступ к которому признаётся правом (в частности, право на доступ к Интернету); в-третьих, необходимую технологическую основу, без которой реализация собственно цифровых прав человека невозможна.

3. Определение системы цифровых прав как совокупности прав человека, реализуемых с использованием цифровых технологий, обеспечивающих защиту достоинства, автономии и возможностей человека в условиях цифровой среды.

Вывод о праве на доступ в Интернет как системообразующем элементе системы цифровых прав, поскольку свободный доступ в Интернет служит необходимым условием для реализации других цифровых прав, включая: право на забвение, право на защиту персональных данных, право на цифровую идентичность, право на контроль цифровой информации.

Вывод об особом положении права на отключение (право быть офлайн), которое представляет собой отказ от цифровых технологий, выступая защитным механизмом от негативных последствий тотальной цифровизации.

4. Вывод о многоаспектном понимании доступа в Интернет: во-первых, как самостоятельного права человека; во-вторых, как гарантии реализации основных (конституционных) прав в сети Интернет и цифровых прав человека; в-третьих, как общедоступной универсальной услуги; в-четвертых, как социального блага; в-пятых, как угрозы другим правам человека; в-шестых, как технологии.

Многоаспектное понимание доступа в Интернет необходимо для адекватного юридического анализа, поскольку в разных правоотношениях доступ выступает в разных качествах – как самостоятельное право, как гарантия, как услуга, как благо или как инфраструктура. Такой подход обеспечивает системность, гибкость и практическую применимость правовых норм, учитывая, что одна и та же технология одновременно создаёт возможности, риски и обязанности для разных субъектов.

5. Вывод о формировании таких тенденций правового регулирования механизма реализации цифровых прав человека, как: во-первых, усиление цензуры и ограничений в сети Интернет; во-вторых, регулирование обеспечения механизмов государственной безопасности, защиты суверенитета в информационной (цифровой) среде; в-третьих, восприятие Интернета не только в качестве блага, но и как угрозы нарушения других прав человека; в-четвертых, повышение ответственности бизнеса за соблюдение цифровых прав человека; в-пятых, систематизация правовых норм, регулирующих отношения в цифровой среде, в том числе цифровых прав человека, разработка проекта Цифрового кодекса.

6. Обоснована необходимость установления критериев правомерного ограничения цифровых прав человека, включающих: 1) законодательную форму ограничения (исключительно федеральным законом, а не подзаконными актами); 2) соответствие ограничения конституционно значимым целям (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства); 3) соблюдение принципа соразмерности (пропорциональности) между ограничением и защищаемым публичным интересом; 4) сохранение существа ограничиваемого права. На основе анализа российской и зарубежной правоприменительной практики предложена классификация ограничений доступа к Интернету по трём основаниям: по статусу субъекта (ограничения для осуждённых, военнослужащих, иностранных агентов, судей, владельцев социальных сетей), по цели вводимых ограничений (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны и безопасности государства) и по порядку ограничения (судебный и внесудебный).

II. Практические предложения.

7. В целях сохранения и гарантирования традиционных, нецифровых способов реализации прав человека, защиты граждан от принудительной цифровизации как обязательного условия доступа к своим правам и сохранения альтернативных механизмов взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления предлагается законодательная формализация права на цифровую неприкосновенность (право быть офлайн) в федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Суть предлагаемых изменений состоит в установлении правовой нормы, согласно которой использование цифровых технологий при реализации прав граждан не должно приводить к ситуации, когда

осуществление этих прав становится невозможным без применения информационно-коммуникационных технологий (Приложение № 1).

8. С целью обеспечения гарантий реализации цифровых прав человека предлагается закрепление в ст. 17.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – Закон об информации), во-первых, принципа должной осмотрительности, обязывающего операторов связи, провайдеров, разработчиков продуктов с использованием технологий искусственного интеллекта и других субъектов-организаций, чья деятельность связана с реализацией цифровых прав человека принимать активные меры по защите прав пользователей. Во –вторых, механизма реализации принципа, предполагающего систематическую оценку потенциальных рисков, внедрение превентивных механизмов и обеспечение прозрачности процессов разработки и модерации контента с целью создания правовых рамок для ответственного развития цифровых технологий при гарантировании фундаментальных прав и свобод граждан в цифровой среде (Приложение №2).

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

1. Дальнейшее развитие понятийно-терминологического аппарата публично-правовой науки за счет новых научных категорий в сфере защиты цифровых прав человека.

2. Инкорпорация трудов зарубежных ученых в области защиты (охраны) цифровых прав человека в российскую правовую науку.

3. Применение междисциплинарного подхода к изучению правовых явлений, включая эволюцию концепции прав человека в свете выделения группы цифровых прав.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения его результатов в следующих сферах:

1. В научных исследованиях – для дальнейшей разработки проблематики прав человека, конституционного и информационного права.

2. В нормотворческой деятельности – при совершенствовании действующего информационного законодательства, подготовке проектов нормативных правовых

актов; стратегических документов государственного развития; мониторинге правоприменения и правовом прогнозировании взаимодействия права и цифровых технологий.

3. В образовательном процессе – при создании учебных пособий и методических материалов по правам человека, конституционному и международному праву; для использования в учебных курсах юридических дисциплин публично-правового цикла.

Методологическая основа исследования включает комплекс общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания. Диалектический метод познания помогает рассмотреть цифровые права как развивающееся явление в условиях противоречивого взаимодействия технологического прогресса и правовых норм. Его применение обеспечивает выявление внутренних закономерностей формирования и трансформации цифровых прав, а также их взаимосвязи с основными (конституционными) правами человека.

В качестве других **общенаучных методов** использованы, во-первых, *анализ,* который способствует осуществлению декомпозиции сложного феномена цифровых прав на структурные элементы, выделяя такие составляющие цифровых прав, как право на доступ в Интернет, право на забвение, право на защиту персональных данных в цифровой среде, право на отключение (право быть офлайн) и другие цифровые права. Посредством *синтетического метода* установлены системные связи между этими элементами, что способствует формированию целостного понимания цифровых прав как отдельной группы прав человека. *Индуктивный подход* используется при переходе от изучения отдельных цифровых прав к формулированию обобщающих признаков всех цифровых прав человека, в то время как *дедуктивный* метод способствует исследованию применения общих теорий прав человека к специфике цифровой среды. *Системный подход* в исследовании цифровых прав человека помогает рассмотреть данный правовой феномен как сложноорганизованный объект, обладающий целостностью и состоящий из взаимосвязанных элементов. В рамках данного подхода цифровые права проанализированы как подсистема общей системы прав человека,

находящаяся в динамическом взаимодействии с технологической, политической и социальной подсистемами современного общества. Применение *исторического метода* в изучении цифровых прав способствует исследованию их генезиса, этапов правового оформления и трансформации в контексте технологического развития общества.

В числе **частнонаучных и специальных** были применены, во-первых, *формально-юридический метод,* позволяющий осуществить всесторонний анализ действующего правового регулирования цифровых прав (международных договоров, конституций государств и законодательства).

Во-вторых, особое значение для настоящего исследования имеет *сравнительно-правовой метод* (компаративистики), с помощью которого выявлены общие закономерности и национальные особенности правового регулирования цифровых прав человека в различных юрисдикциях. Сравнительно-правовой метод позволяет провести многоуровневый анализ, включающий сопоставление международных стандартов (документы Организации Объединенных Наций), региональных моделей (нормативные акты Совета Европы, Европейского союза, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза) и национальных законодательств (России, государств Европейского союза, Великобритании, Индии) с целью выявления общих тенденций формализации цифровых прав человека, а также определения национальных особенностей. Внимание в работе уделяется изучению в сравнительном ракурсе судебной практики, в частности решений Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, органов конституционного контроля зарубежных государств по вопросам защиты цифровых прав.

В-третьих, в диссертации использован *метод правового моделирования* с целью создания системной модели цифровых прав человека, выявляющей их внутреннюю структуру, взаимосвязи, а также место в общей системе прав человека; формулирования правовых категорий, адекватных вызовам цифровой среды; совершенствования механизма правового регулирования цифровых прав.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования обеспечивается использованием методов научного познания, анализом значительного количества научных работ по исследуемой тематике и достаточным объёмом исследованного эмпирического материала.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на кафедре конституционного и муниципального права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые идеи диссертационного исследования применялись автором в процессе преподавания учебных курсов «Конституционное право зарубежных стран», «Конституционное право».

По теме диссертационного исследования опубликованы семь научных работ, из которых четыре – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования были представлены и обсуждены на международных, общероссийских и межвузовских научно-практических конференциях, круглых столах и школах молодых учёных, в числе которых: Панельная дискуссия 7 Международной научно-практической конференции «Достоверность и истинность как основа доверия в праве», тема доклада: «Цифровые технологии в избирательном процессе: доверие граждан и достоверность результатов» (г. Москва, 2023 г.); Зимняя школа молодых учёных Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) «Киберправо и кибербезопасность» (г. Москва, 2023 г.); Круглый стол «Цифровые технологии и гуманитарные ценности: существует ли противоречие?», тема доклада: «Искусственный интеллект и права человека: возможные риски» (г. Москва, апрель 2023 г.); международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права», тема доклада: «Телемедицина и права человека: риски взаимодействия» (г. Москва, 2024 г.); конференция LegalTech «Вышка. Цифра. Право». Факультет права. НИУ «ВШЭ», тема доклада: «Правомерные пределы ограничения права на доступ к Интернету: российская и зарубежная

практика» (г. Москва, 2024 г.); X Летняя школа молодых ученых Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) «Разрешение споров: проблемы и перспективы» (г. Москва, 2024 г.); XI Летняя школа молодых ученых Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) «Искусственный интеллект: проблемы правового регулирования» (г. Москва, 2025 г.); конференция «Общественное здоровье в векторе обеспечения демографической устойчивости России: вопросы правового регулирования, государственного управления», тема доклада: «Homo Digitalis в больничной палате: права пациента в условиях развития цифровой медицины» (г. Москва, 2026 г.).

Структура диссертации обусловлена поставленными целями и задачами исследования, состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Понятие цифровых прав человека

Конституция Российской Федерации возводит человека, его права и свободы на вершину конституционной аксиологии, возлагает на государство обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2). По утверждению Р. Алекси, права человека существуют, не ограничиваясь теми, что прямо закреплены в конституции (основном законе) и международных договорах [9]. «Основываясь на неопозитивистском подходе, – как указывает Г. А. Гаджиев, – перечисление в Конституции основных прав не должно толковаться как отрицание возможности появления других»[10]. Провозглашение «открытого» характера прав человека делает возможным адаптацию каталога прав к изменениям социальной жизни, в том числе в результате научно-технического процесса.

Развитие цифровых и информационных технологий и их внедрение во все сферы социальной жизни привели к формированию в доктрине отдельной группы прав - «цифровые права человека», вызвали оживленную дискуссию среди юристов и философов о их природе и содержании: одни правоведы отстаивают самостоятельность данной группы прав человека, другие же признают изменение не содержания прав, а только лишь способа их реализации, онлайн, в цифровой среде с использованием технологии.

Исследователи, не признающие цифровые права человека в качестве самостоятельной категорией, аргументируют свою позицию тем, что цифровизация не изменяет сущностной природы этих прав. По их мнению, информационно-

---

[9] Алекси Р. Существование прав человека // Правоведение. 2011, № 4. С. 21–31.

[10] Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%20_2016.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

коммуникационные и цифровые технологии выступают лишь инструментами для реализации уже существующих фундаментальных прав и свобод, таких как свобода информации, неприкосновенность частной жизни, охрана личной и семейной тайны, защита чести и репутации, право на объединение[11] и другие. Следовательно, с точки зрения данных авторов, цифровые технологии являются средством осуществления прав, но не фактором, порождающим качественно новые правоотношения или принципиально иные права.

Например, В. Д. Зорькин под цифровыми правами понимает «конкретизацию универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [12]. Определяет задачу государства «в признании и защите цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечение при этом конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства» [13]. Вместе с тем автор видит некоторые особенности в механизме реализации цифровых прав, указывает на отсутствие адекватного на сегодняшний день правового регулирования, которое нуждается в систематизации, в связи с чем предлагает принятие Информационного кодекса Российской Федерации[14].

Анализируя природу «цифровых прав человека», В. В. Невинский указывал, во- первых, на фундамент правовой основы цифровых прав – «право на свободу информации в его многообразном проявлении, включая права свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации)» [15]. Во-вторых, ученый видел производность цифровых прав от таких, как: право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право каждого на дачу согласия на сбор, использование и

[11] Костенков К.А. Динамика становления доктрины информационных прав. Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 197.
[12] Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 241.
[13] Там же. С. 241.
[14] Там же. С. 241.
[15] Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. №11. С. 28.

распространение информации о его частной жизни (ч. 1 ст. 24). В- третьих, обращал внимание на применимость признаков основных прав человека, декларируемым в качестве высшей общественной ценности, которую государство обязано признавать, соблюдать и защищать (ст. 2), провозглашаемым неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), непосредственно действующим, определяющим смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемым правосудием (ст. 18). «Цифровизация информационных прав человека, лежащих в основе этих цифровых, – заключал В. В. Невинский, – не колеблет их принципиального характера»[16].

Н. В. Варламова пишет прямо: «цифровизация социальной жизни не приводит к появлению принципиально новых прав человека»[17]. «Природа человека не предполагает доступа к Интернету, люди веками жили без него без ущерба для своей природы и, возможно, будут обходиться без него и в будущем, когда на смену Интернету придут новые более эффективные технологии» [18] . «Именно инструментально-технологическое понимание Интернет, – по мнению Н. В. Варламовой, – является основным препятствием к признанию доступа к нему самостоятельным правом человека»[19].

Е. Е. Никитина, опираясь на онтологический подход, заключает, что новые права человека в цифровой сфере не отменяют базовых ценностей (свободы и равенства), а лишь конкретизируют их применительно к новым условиям[20].

В зарубежной литературе встречаются аналогичные позиции об отсутствии какого-либо существенного влияния цифровых технологий на право. Наиболее точной представляется тезис Фрэнка Истербрука: «я мало знаю о киберпространстве, виртуальном мире. То, что я знаю, устареет через пять лет

---

[16] Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. №11. С. 29.
[17] Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 700.
[18] Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 34.
[19] Там же. С. 36.
[20] Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. N 8. С. 27.

(если не через пять месяцев!)»[21]. Основной вывод автора: необходимо развивать само право, а потом применять его к компьютерным сетям[22].

Основные права человека были сформулированы в международных документах и конституциях в период отсутствия всеобщего доступа в Интернет, повсеместного применения цифровых технологий. При этом наиболее широкая формализация прав человека делает возможным, с использованием эволютивного толкования текста, их применение ко многим жизненным ситуациям в условиях конкретной правоприменительной ситуации.

Сторонники обособления цифровых прав в самостоятельную категорию в качестве ключевого аргумента ссылаются на специфический детерминирующий фактор – научно-технический прогресс, который придаёт данным правам характер sui generis, то есть уникальный, не имеющий аналогов[23].

Как отмечает Э. В. Талапина, «рассматривать в современных реалиях цифровые технологии лишь как средство реализации прав человека - вчерашний день, при таком подходе существует риск отставания от развивающихся общественных отношений»[24]. Ученый приводит пример, когда пренебрежение информационными –коммуникационными технологиями стало причиной растягивания во времени административной реформы, информатизацией оказания государственных услуг[25].

Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор признают объективную тенденцию: «появление новых общественных отношений в условиях цифровой реальности приводит как к трансформации самого права, становящегося объектом цифровизации, так и к обновлению статуса личности, претендующей на новые права»[26].

---

[21] Шайо А., Райан К. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии // Сравнительное Конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 48.
[22] Там же. С. 49.
[23] Карташкин В. А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерение // Вестник РУДН. 2022. № 4. С. 949.
[24] Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. № 2. 2019. С. 50.
[25] Там же. С. 50.
[26] Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.

И. А. Кравец в российскую науку конституционного права вводит и отстаивает понятие «цифровой конституционализм», один из аспектов которого составляет «конституционно-правовой режим гарантирования и использования информационных технологий для реализации, обеспечения и мониторинга осуществления конституционных прав, свобод человека и гражданина в соответствии с действующей Конституцией и возможностями телекоммуникационных систем страны»[27].

А. И. Ковлер, с одной стороны, пишет о «возникновении новых позитивных прав, такие как право доступа к Интернету, право на защиту персональных данных и «право на забвение»[28]. С другой стороны, указывает на трансформацию в условиях цифровизации поименованных в конституционном тексте прав человека: «изменение формы реализации основных прав: право на свободу слова может отныне реализовываться посредством новых средств коммуникации»[29].

В. Е. Мушаков выделяет два отличительных свойства цифровых прав: цифровые права существуют только в виртуальном пространстве и неотделимы от технологической инфраструктуры[30].

В диссертационном исследовании мы различаем права человека, реализуемые посредством цифровых технологий, и собственно цифровые права человека. Например, гражданин может реализовать право избирать и быть избранным как с использованием цифровых технологий (дистанционное электронное голосование), так и офлайн на избирательном участке с применением бумажного бюллетеня; или реализовывать право на обращение в обычной либо электронной форме. В данных случаях цифровизация выступает лишь дополнительной гарантией реализации права, и здесь применимо выражение о «наливании молодого вина в старые мехи»[31].

---

[27] Кравец И. А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 13.
[28] Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 20.
[29] Там же. С. 20.
[30] Мушаков В. Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 48 – 49.
[31] Шайо А., Райан К. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии // Сравнительное Конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 40.

Собственно цифровые права человека, на наш взгляд, имеют отличительные признаки: во-первых, возможность реализации права исключительно с использованием цифровых технологий; во-вторых, существование цифровых прав только в пределах цифровой среды; в-третьих, объектом регулирования выступает информация; в-четвёртых, возрастание роли организаций (цифровых платформ, операторов, провайдеров) в соблюдении и защите цифровых прав; в-пятых, характер последствий в случае нарушения цифровых прав человека; в-шестых, особая цель.

Рассмотрим признаки цифровых прав человека более подробно.

1. Возможность реализации цифровых прав человека только с использованием технологии. Более того, сама технология нередко рассматривается в качестве права человека. Так, Европейский Суд по правам человека (далее -ЕСПЧ) в деле «Янковскис (Jankovskis) против Литвы», принимая во внимание повсеместное распространение сети Интернет, фактически причисляет доступ к Интернету к числу прав человека[32]. В связи с этим возникает необходимость уточнить, что именно следует понимать под «цифровой технологией» в контексте реализации цифровых прав.

В России в ряде нормативных правовых актов закреплены легальные определения понятий «информационные технологии» и «цифровые технологии». При этом, если понятие «информационных технологий» закреплено на федеральном уровне, то понятие «цифровых технологий» не имеет единого законодательного определения и встречается в основном в подзаконных актах и отраслевых документах.

Так, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» легальное закрепление получили информационные технологии, под которыми закон понимает процессы, методы поиска, сбора,

[32] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [33] . Это определение носит универсальный характер и охватывает любые технологические процессы, связанные с информацией, независимо от формы её представления.

В отличие от информационных технологий, единого законодательного определения «цифровых технологий» в России не существует. Этот термин активно используется в нормативных актах, но его содержание раскрывается в них по-разному.

Согласно Разъяснениям (методическим рекомендациям) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденным приказом Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428, понятие цифровых технологий используется в трех следующих основных категориях.

1. Постепенно внедряемые (цифровое образование, цифровые платформы, маркетинговая интеграция, умные помощники (чат-боты), мобильные платежи).

2. Прорывные (интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальная реальность, беспроводная связь, дополненная реальность).

3. Технологии ближайшего будущего (офисные роботы, квантовые вычисления, директивная аналитика, криптовалюта)[34].

В доктрине А. В. Минбалеев определяет цифровые технологии как объект цифровых правоотношений, к которым относятся: «искусственный интеллект и машинное обучение; высокоскоростной интернет; интернет вещей; интегрированные промышленные сети; дополненная реальность и 3D-печать; киберфизические системы и нейротехнологии с принципиально новым механизмом взаимодействия человека и робототехнических устройств; современные биоинженерные технологии; системы распределённого

[33] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

[34] Разъяснения (методические рекомендации) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденным приказом Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. N 428.

реестра (блокчейн); технологии сервиса сбора и аналитической обработки больших (глобальных) баз данных (Big Data); облачные компьютерные сервисы; «умные» робототехнические комплексы и устройства, а также технологии развития социальных сетей, сложных цифровых технологических платформ (цифровые двойники, децентрализованный реестр, квантовые вычисления); технологии защиты и безопасности в Интернете»[35].

Т. Э. Мехдиев под цифровой технологией понимает «такую технологию, в которых информация «оцифровывается», то есть представляется в универсальном цифровом виде, что позволяет, в отличие от аналоговых технологий, создавать, хранить и распространять данные максимально точно, обеспечивая высокую скорость обработки данных»[36]. К цифровым технологиям автор относит «гаджеты, программы и иные электронные устройства и технологии, обеспечивающие цифровое преобразование информации»[37].

В. В. Комарова, анализируя особенности реализации политических прав граждан в цифровой среде, под информационно- коммуникативными технологиями понимает информационно-коммуникационные технологии как инструменты, которые расширяют (но не заменяют) деятельность государственных органов. К таким инструментам автор относит: специальные программы для упрощения документооборота; системы контроля за исполнением властных полномочий; цифровые механизмы взаимодействия между участниками правовых отношений; другие формы и процедуры, существующие в цифровой среде[38].

Одновременно в литературе высказывается опасение привязки наименования прав человека к конкретной технологии в силу постоянного развития технического

---

[35] Цифровое право: учебник для студентов юридических вузов и факультетов, обучающихся по направлениям подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры) и 40.06.01 (уровень подготовки кадров высшей квалификации) / [А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев и др.]; под общей редакцией профессора В. В. Блажеева, профессора М. А. Егоровой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2020. С. 77.

[36] Мехдиев, Т. Э. Правопорядок цифрового пространства: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Мехдиев Турал Эльшад оглы; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; Диссовет Д 212.123.ХХ (24.2.336.04)]. М., 2023. С. 47

[37] Мехдиев, Т. Э. Правопорядок цифрового пространства: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Мехдиев Турал Эльшад оглы; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; Диссовет Д 212.123.ХХ (24.2.336.04)]. М., 2023. С. 47.

[38] Комарова В.В. Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 65.

процесса: если появятся «решающие» машины, основанные на другой «элементной базе», например, биокомпьютеры»[39], то будет ли это детерминантом появления новой группы прав человека. Принципиально важна не сама технология, посредством которой реализуются права человека, а социальные последствия, создаваемые технологией риски правам человека [40] . Именно социальные последствия (усиление цифрового неравенства, слежка и контроля над персональными данными, нарушение приватности и автономии воли) требуют адекватной правовой реакции. В этом смысле права человека должны быть технологически нейтральными и ориентированными на защиту от угроз, а не на конкретные устройства.

В рамках нашего исследования мы используем понятие «цифровые технологии» не в качестве онтологического маркера, а как удобную рабочую категорию. Такой выбор обусловлен тем, что на сегодняшний день именно компьютеры, представляющие информацию в бинарном (дискретном) виде, так называемом «цифровом» формате, являются наиболее распространённым и социально значимым средством обработки и передачи данных[41].

Для целей диссертации под цифровыми технологиями мы понимаем: во-первых, инструментальные средства, предоставляющие дополнительные возможности для реализации универсальных (традиционных) прав человека; во-вторых, самостоятельное благо, доступ к которому признаётся правом (в частности, право на доступ к Интернету); в-третьих, необходимую технологическую основу, без которой реализация собственно цифровых прав человека невозможна.

2. Существование цифровых прав человека в пределах цифровой среды. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации 2017 года[42] содержит упоминание термина «цифровое пространство», однако не дает его

---

[39] Комарова В.В. Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 71.

[40] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145).
Социальные последствия, создаваемые цифровыми технологиями будут проанализированы далее в диссертации.

[41] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145). С.71.

[42] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

расшифровки, такое отсутствие точного легального определения понятия создает простор для авторов в его интерпретации. В литературе можно встретить упоминание таких терминов, как: «цифровая среда», «киберпространство», «цифровое пространство», как правило, в качестве синонимов.

Так, Т. Э. Мехдиев определяет цифровое пространство как «создаваемое с помощью устройств и технологий, обеспечивающих цифровое преобразование информации пространство, обладающее существенными коммуникативными характеристиками такими, как: высокая скорость обмена информации, интенсивное формирование новых горизонтальных, сетевых взаимодействий, трансграничность коммуникаций, широкие возможности по созданию и тиражированию объектов цифрового мира с разными содержательными и ценностными свойствами, высокая степень анонимности субъектов, включенность их в десятки одновременно происходящих процессов»[43].

В. С. Вепрев указывает на то, что «цифровая среда и цифровое пространство не сводится к одному Интернету, а охватывают все взаимодействия, технически обеспечиваемые и регулируемые с помощью цифровых технологий кодирования, криптозащиты, программирования и передачи информации, включая применение искусственного интеллекта, робототехники, каналов спутниковой аналоговой передачи информации и т.п»[44].

В. В. Комарова, говоря об условности понятия «цифровая среда», понимает «ее как технические и организационные условия осуществления публичной власти индивидуальными и коллективными субъектами»[45].

В рамках настоящего исследования под цифровой средой предлагается понимать технические и организационные условия, создаваемые для реализации как универсальных прав человека с использованием электронных средств, так и цифровых прав как самостоятельной категории.

---

[43] Мехдиев Т. Э. Правопорядок цифрового пространства: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Мехдиев Турал Эльшад оглы; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; Диссовет Д 212.123.ХХ (24.2.336.04)]. М., 2023. С. 47.

[44] Вепрев В. С. Предметная область права цифровой среды и общие факторы его развития // Право цифровой среды: монография / под. ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 37-38.

[45] Комарова В.В. Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 65.

3. Объектом регулирования выступает информация. В доктрине обосновывается, что цифровые права по своей природе не имеют материального воплощения. Даже когда информация объективируется в форме файла, который имеет объём, это следует рассматривать лишь как технический способ фиксации, но не как доказательство материальной сущности самого права[46]. Цифровые права человека связаны с обращением личных данных, которые прошли трансформацию от бумажных записей до «цифровых киберданных»[47]. Последние представляют собой обширный массив информации, собираемой о человеке в сети. Важной особенностью таких данных является их способность не только отражать явные действия, но и раскрывать личные сведения о человеке (например, особенности состояния здоровья, политические убеждения, финансовое состояние и так далее)[48]. В диссертационном исследовании Р. Ф. Азизов обосновывает тезис об информации как «первичной ценности, которая является предметом отношений в сети Интернет»[49].

Данный признак сближает цифровые права с информационными.

«Информация, – по верному утверждению И. Л. Бачило, – как всеобъемлющий социальный ресурс, была предметом исследования еще философов Античности. Сократом, Аристотелем, Платоном обсуждались вопросы использования знаний (информации) во имя эгоизма, жажды власти и во имя общего блага»[50].

Во второй половине XVII века в трудах шведского мыслителя и политического деятеля Андерса Кидениуса можно встретить упоминания о свободе информации в качестве права человека, необходимости отмены политической цензуры и предоставления общественного доступа к правительственным документам. Как отмечает Юха Мустонен (Juha Mustonen) в работе под названием

---

[46] Иксанов И. С. Цифровое гражданство: монография / И.С. Иксанов. М.: ИНФРА-М, 2024. С. 56.
[47] Dowd R. The Birth of Digital Human Rights: Digitized Data Governance as a Human Rights Issue in the EU // Palgrave Macmillan Cham. 2022. P. 4.
[48] Dowd R. The Birth of Digital Human Rights: Digitized Data Governance as a Human Rights Issue in the EU // Palgrave Macmillan Cham. 2022. P. 4.
[49] Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 12.00.01 / Азизов Рашад Фикрат оглы; [С.-Петерб. гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2017. С. 16.
[50] Бачило И. Л. Информационное право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2015. С. 10.

«Первый в мире Закон о свободе информации[51]. Наследие Андерса Кидениуса сегодня»[52], именно А. Кидениус является идейным, доктринальным вдохновителем закона Швеции 1766 года «О свободе слова и печати», остающимся практически двести лет единственным в мире легально закрепившим право на информацию. Закон, составляющий часть Конституции Швеции, устанавливает свободу прессы, включая свободу печати и распространения материалов о правительстве, судах и парламенте; признает, что свобода прессы зависит от доступа к информации и гласит: «с этой целью должен быть предоставлен свободный доступ ко всем архивам с целью копирования таких документов на месте или получения их заверенных копий»[53].

Последующее развитие доктрины информационных прав и правового регулирования информационных отношений связано, по мнению ряда зарубежных исследователей, в частности М. Ригнер (Michael Riegner), с тремя факторами[54]. Во-первых, политической либерализацией: если принятие шведского закона «О свободе слова и печати» в XVIII веке связано с уступкой монархией власти парламентской оппозиции, то массовое принятие законов о доступе к информации в 1990 –х годах является ответом на авторитарный опыт и необходимость выстраивания подотчётности государства обществу. Во-вторых, расцветом административного государства: резким увеличением числа государственных служащих в 40- х годах XX века. В-третьих, «информационной революцией» второй половины XX века[55].

Одновременно право на информацию в отечественной и зарубежной доктрине рассматривается в разных аспектах: как комплексное субъективное право гражданина; как конституционный принцип информационной открытости

---

[51] Костенков К.А. Динамика становления доктрины информационных прав. Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 193.

[52] Mustonen J. The World's First Freedom of Information Act Anders Chydenius' Legacy Today. Kokkola: Anders Chydenius Foundation, 2006. P. 4.

[53] History of Right of Access to Information // Access Info Europe URL: https://www.access-info.org/2009-07-25/history-of-right-of-access-to-information/ (дата обращения: 01.12.2024).

[54] Костенков К.А. Динамика становления доктрины информационных прав. Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 194.

[55] Riegner M. Access to Information as a Human Right and Constitutional Guarantee. A Comparative Perspective // Verfassung und Recht in Übersee / Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. 2017. №Vol. 50, No. 4. P. 336.

деятельности государственных органов, призванных претворять в жизнь права граждан, в том числе в информационной сфере; как основа нового социально-экономического права[56]. Отечественные ученые, как и их зарубежные коллеги, характеризуют право на информацию как присущее каждому человеку, неотчуждаемое, обладающее прямым действием право[57]. При этом не являющимся абсолютным, ввиду наличия в законодательстве государственной, коммерческой, личной, врачебной и иных видов тайн[58].

Анализируя соотношение терминов «право на информацию» и «право на доступ к информации», закрепленных в конституционном тексте, российские ученые указывают на более широкое понимание первого, «права на информацию». Так, Э. В. Талапина пишет, что в ч. 1 ст. 29 Конституции идёт речь о праве на информацию в широком смысле («добывание» любой информации любым законным способом), а во втором (ч. 2 ст. 24) – о праве на доступ к информации о себе («добывание» персонализированной информации посредством доступа к ней). В этом плане можно различать право на информацию как родовое понятие и право на доступ к информации как его разновидность, выделяемую по признаку способа «добывания»[59].

Можно утверждать, что информация служит объектом регулирования и информационных, и цифровых прав. Критики цифровых прав как самостоятельной категории подчеркивают их вторичный характер, в первую очередь, по отношению к праву на информацию[60]. Суды, анализируя содержание права на доступ в Интернет, как правило, выводят данное право путем эволютивного толкования

---

[56] Короткова М. В. Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Саратов, 2014. С. 24.
[57] Костенков К.А. Динамика становления доктрины информационных прав. Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 196.
[58] Короткова М. В. Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Саратов, 2014. С. 24.
[59] Талапина Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 77.
[60] Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. №11. С. 26-32.

прямо закрепленного в конституциях и международных документах права на информацию[61].

С. А. Грачева, М. Е. Черемисинова, выдвигая тезис, что «цифровые права человека производны от информационных, однако к ним не сводятся»[62]. Одной из тенденций развития права на информацию является его реализация в сети Интернет [63] , появление в юридической науке категории «цифровые права человека.

Вместе с тем обособление цифровых прав от информационных является, во-первых, способ реализации, влекущий увеличение скорости и объема обработки информации при использовании цифровых технологий, что создает вероятность большего вредоносного эффекта в случае нарушения цифровых прав, а также трансграничный характер цифровой среды (социальные последствия).

Современное правовое развитие характеризуется формированием новых категорий цифровых прав, направленность которых не сводится к информации. Это находит отражение в законодательных актах различных стран, в частности в испанском Законе 3/2018«О защите персональных данных и гарантиях цифровых прав», предусматривающем, в числе прочих, право на нейтралитет в Интернете, под которым закон понимает предоставление доступа к Интернету без дискриминации по техническим или экономическим признакам. Здесь право направлено на обеспечение в целом достоинства личности. Также в науке к

---

[61] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16). По делу обжалуется вмешательство в право заявителя на распространение информации, поскольку он был вынужден удалить законный контент, чтобы избежать блокирования всего сайта. По делу допущены нарушения требований статей 10, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская хроника Европейского Суда. 2021. № 1.

Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

Supreme Court of India Anuradha Bhasin vs Union Of India on 10 January, 2020 // Indiankanoon URL: https://indiankanoon.org/doc/82461587/?ref=internetfreedom.in (дата обращения: 16.03.2025). Замедление скорости работы сети Интернет на территории Джамму и Кашмира как наиболее популярного способа распространения информации приводит к нарушению свободы слова.

[62] Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 57.

[63] Минбалеев А. В. Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. 2014. С. 206.

цифровым правам причисляют право на использование цифровых инструментов, право на цифровую идентичность как интернет-версию права на защиту репутации, право предоставлять услуги через Интернет[64]. Соответственно, цифровые права включают не только право на информацию, но и другие права человека, реализуемые в цифровой среде[65].

4. Возрастание роли организаций (цифровых платформ, операторов, провайдеров) в соблюдении и защите цифровых прав.

Следующая особенность цифровых прав человека заключается в возрастании роли организаций в их защите и охране. Как справедливо указывает А. Румянцев, «в эпоху либерализации такими адресатами были государство и связанная с ним церковь» [66], однако адресатом цифровых прав являются организации, предоставляющие услуги в цифровой среде[67]. Эти субъекты не только создают техническую инфраструктуру для реализации прав, но и фактически определяют правила поведения пользователей.

Кроме того, в литературе выделяют разные модели взаимодействия субъекта с техникой[68]. Во-первых, правообладатель использует новые технологии как инструмент для реализации своих интересов, расширения возможностей и свобод. В качестве примера можно указать само право на доступ в Интернет. Здесь право часто формулируется как свобода (свобода доступа, свобода использования инструментов). Задача права заключается в гарантировании, что эта свобода не будет необоснованно ограничена государством.

Во-вторых, субъект становится объектом воздействия техники, технологии используются другими лицами (государством, корпорациями), а индивид оказывается в роли уязвимой стороны, чьи интересы могут быть нарушены. Это модель защиты от технологий, здесь право формулируется как защита и гарантия

---

[64] Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 130–133.

[65] Yilma K., Emerging Technologies and Human Rights at the United Nations // IEEE Technology and Society Magazine. Vol. 42. No. 1. P. 54-64. 2023.

[66] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145). С. 96.

[67] Там же. С. 96.

[68] Там же. С. 90.

(право на защиту персональных данных, право на объяснение решения, принятого алгоритмом).

В-третьих, техника используется всеми участниками правоотношения. Технология создает новую среду или платформу для взаимодействия, где все стороны являются и пользователями, и поставщиками данных. Право должно регулировать их взаимоотношения, обеспечивая справедливость и баланс интересов. В данном случае право часто формулируется как гарантия справедливых условий (например, право на цифровое посредничество и защита от недобросовестного блокирования).

5. Характер социальных последствий. ЕСПЧ, признавая доступ к Интернету в качестве права человека, в том числе исходил из возрастающей роли Интернета в повседневной жизни людей, поскольку определенная информация доступна исключительно в Интернете[69].

В зарубежной литературе Андраш Шайо, Клэр Райан говорят о невозможности применения к регулированию отношений в сети Интернет раннее разработанных концепций и норм исходя из следующих положений: «во-первых, Интернет обладает более пугающим и реальным социальным потенциалом по сравнению со своими предшественниками с сфере средств коммуникации; во-вторых, существующие правовые рамки не приспособлены для предотвращения угроз, исходящих от Интернета; в-третьих, наконец, ценности, на которых основаны нынешние правовые рамки, не отражают потребностей современного общества» [70] . Авторы приходят к выводу, что «с того момента, как преувеличенное восприятие вреда станет во главе угла правового свода, регулирующего Интернет, судьи уже не смогут руководствоваться старыми правовыми моделями и концептами гражданских прав и свобод»[71].

---

[69] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

[70] Шайо А., Райан К. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии // Сравнительное Конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 50.

[71] Там же.С. 58.

Скорость и объем обработки информации цифровыми технологиями, автоматизация процесса являются, по образному выражению А. Румянцева, «водоразделом, по преодолении которого возникает необходимость в специальных «цифровых» регулированиях»[72].

6. Отличные от других групп прав человека цели. При этом цели цифровых прав различны: во-первых, обеспечение и защита фундаментальных прав в цифровой среде (право приватность, право на защиту персональных данных, право на доступ в Интернет); во-вторых, преодоление цифровых угроз и вызовов (защита от цифрового неравенства, защита от слежки и массового наблюдения, право быть офлайн), в-третьих, создание безопасной и справедливой цифровой среды (право на анонимность в сети, право на обсуждение вопросов, касающихся цифровых технологий).

Таким образом, цель цифровых прав человека заключается в гарантировании, что цифровые технологии служат интересам человека: они призваны предотвратить сценарий, где технологии приводят к тотальной слежке, подавлению свобод, усилению неравенства и манипуляции людьми, и вместо этого создать среду, расширения возможностей человека и укрепления демократических принципов.

Не будет полным данный параграф без анализа применимости конституционно – правовых **принципов прав человека** к цифровым правам человека. В науке выделяют такие конституционные принципы прав человека, как: всеобщность и неотчуждаемость; единство прав, свобод и обязанностей; равенство всех перед законом; непосредственное действие; гарантированность и защищенность государством[73].

В литературе можно встретить утверждение о принадлежности человеку с момента рождения цифровых прав человека. Так, М. С. Бурьянов определяет «глобальные цифровые права человека» как *«полученные каждым с рождения (и*

---

[72] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145). С. 92.

[73] Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / Под ред. Р. М. Валеева. М.: Статут, 2011. С. 44.

которые государство обязано реализовать) существенные возможности человека, которые устанавливаются и обеспечиваются системой норм международного и внутригосударственного права и предоставляют доступ к общественным благам, вытекающим из цифровых технологий»[74]. Мы не в полной мере согласны с данной позицией.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении 2006 г. № 17-О выработал правовую позицию, согласно которой «применимость конституционного принципа равенства ко всем основным правам и свободам не исключает возможность его различного проявления: в отношении личных прав он означает преимущественно формальное равенство, в отношении же экономических и социальных прав формальное равенство может обернуться материальным неравенством»[75]. Данная правовая позиция применима и к цифровым правам человека: чтобы обеспечить реальное равенство доступа к Интернету, учитывая, что доступ к Интернету услуга платная, необходимо предоставление государством соответствующих льгот для уязвимых групп или лиц с особыми потребностями, а также для экономически неблагополучных семей и социальных слоев.

Спорно на сегодняшний день рассматривать цифровые права в качестве неотчуждаемых по следующим двум причинам: во-первых, как совершенно точно определяет Н. В. Варламова «природа человека не предполагает доступа к Интернету, люди веками жили без него»[76], во-вторых, доступ к Интернету требует определенное количество материальных затрат. Государство, провозглашая данное право в качестве неотчуждаемого, берет на себя обязательство по обеспечению его финансирования, соответственно, возможность реализации данного права человеком ставится в прямую зависимость от финансовых возможностей государства.

---

[74] Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. №3. С. 65.

[75] Определение Конституционного Суда РФ от 02.02.2006 № 17-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Вологодской области о проверке конституционности отдельных положений статей 40, 98, 99 и 102 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2006.

[76] Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 34.

Кроме того, в доктрине прав человека выделяют относительные права, которые могут быть ограничены на основании закона и абсолютные, ограничение которых невозможно ни при каких обстоятельствах, то есть «прирожденные права, независимые от государства, существующие помимо него, безусловные и неизменные, а потому и неприкосновенные для власти»[77]. Мы рассматриваем цифровые права человека как относительные, так как текущее правовое регулирование допускает многочисленные ограничения таких прав в публичных интересах[78].

Одновременно существует дискуссия относительно природы права на защиту персональных данных. Так, Л. В. Швец, с позиции цивилистики, рассматривает право на защиту персональных данных «как субъективное регулятивное абсолютное право, возникающее до нарушения, в момент рождения человека»[79], при этом правомочие по защите, носящее относительный характер, является «спящим», наступающим только при нарушении права на защиту персональных данных[80].

Не соглашаясь в полной мере с данной позицией, проведем следующие аргументы. Во-первых, право на защиту персональных данных не является абсолютным, потому что его реализация всегда требует балансировки с другими правами, свободами и законными интересами, как самого субъекта данных, так и третьих лиц, общества и государства. Это прямо закреплено в законодательстве. Например, в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» указано, что одной из целей закона является защита прав и свобод человека при обработке его персональных данных, в том числе защиты права на неприкосновенность частной жизни, а ст. 6 данного закона закрепляет условия обработки персональных данных без согласия субъекта данных. Например, в

[77] Коркунов Н. М. Русское государственное право. Введение и общая часть. СПб., 1899. С. 419.
[78] Более подробно данная мысль будет раскрыта в параграфе «Ограничение цифровых прав человека».
[79] Швец Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект. Сибирское юридическое обозрение. 2024. 21 (4). С. 589.
[80] Там же. С. 589.

случае если обработка персональных данных необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных[81].

«При установлении требований к защите персональных данных, как пишет Э. В. Талапина, – принципиальным моментом является обеспечение баланса интересов личности, общества и бизнес-структур, что предполагает соразмерность, обоснованность и реальную выполнимость этих требований, включая требование обеспечить «адекватную» защиту персональных данных»[82].

Во-вторых, суды по конкретным делам указывают на относительный характер права на защиту персональных данных. Европейский суд справедливости в своей практике подчеркивает, что право на защиту персональных данных не носит абсолютного характера, его реализация должна соотноситься с другими общественными интересами и рассматриваться в свете той роли, которую оно играет в обществе[83].

На основе анализа признаков и принципов цифровых прав человека полагаем возможным сделать следующие выводы по параграфу.

1. Цифровые права человека – это относительные субъективные права, возникшие как реакция на социальные последствия внедрения цифровых технологий; их цель заключается в компенсировании рисков нарушения автономии и достоинства личности в цифровой среде, которые в силу технологических особенностей (скорость, объём, трансграничность, необратимость) приобретают повышенную общественную опасность.

2. Разграничение цифровых прав с основными правами человека, реализуемые посредством цифровых технологий, представляется возможным по следующим признакам: во-первых, возможность реализации права исключительно с использованием цифровых технологий; во-вторых, существование цифровых прав только в пределах цифровой среды; в-третьих, объектом регулирования

---

[81] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[82] Талапина Э. В. Право на защиту персональных данных с позиции публичного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 32.

[83] Volker and Markus Schecke GbR and Hartmut Eifert v. Land Hessen, ECJ, Joined Cases C-92/09 and C-93/09, 9 November 2010.

выступает информация; в-четвёртых, возрастание роли организаций (цифровых платформ, операторов, провайдеров и др.) в соблюдении и защите цифровых прав; в-пятых, характер последствий в случае нарушения цифровых прав человека; в-шестых, особая цель.

В рамках настоящего исследования под цифровой средой предлагается понимать технические и организационные условия, создаваемые для реализации как универсальных прав человека с использованием электронных средств, так и цифровых прав как самостоятельной категории. Под цифровыми технологиями – во-первых, инструментальные средства, предоставляющие дополнительные возможности для реализации универсальных (традиционных) прав человека; во-вторых, самостоятельное благо, доступ к которому признаётся правом (в частности, право на доступ к Интернету); в-третьих, необходимую технологическую основу, без которой реализация собственно цифровых прав человека невозможна.

1.2. Система цифровых прав человека

Сперва сделаем несколько отступлений: формирование целостной системы цифровых прав человека сталкивается с рядом объективных сложностей, среди которых наиболее существенной является отсутствие единого кодифицированного акта, закрепляющего исчерпывающий перечень таких прав (при этом создание такого перечня вряд ли представляется возможным ввиду второй причины). Во-вторых, постоянное развитие общественных отношений и цифровых технологий не дает возможности выстроить точную систему и исчерпывающий перечень цифровых прав, будет существовать риск усовершенствования технологии и появления иного цифрового права.

Отсутствие исчерпывающего легально закрепленного перечня цифровых прав человека, позволяет российским и зарубежным ученым предлагать свои варианты цифровых прав человека, в первую очередь включая право на доступ в Интернет. Н. В. Варламова говорит о данном праве как об основе всех остальных

цифровых прав [84], дополнительно причисляя к цифровым право на защиту персональных данных и право на забвение[85].

Э. В. Талапина дополняет правом на цифровую смерть[86]. Производные от свободы предпринимательской деятельности, ученый исследует право предоставлять услуги через Интернет, право на использование цифровых инструментов (реклама, криптография, электронные контракты, смарт контракты), а также право на цифровую идентичность как интернет-версию права на защиту репутации[87].

М. А. Липчанская относит к цифровым правам лишь те, «которые либо появились вместе с возникновением современных цифровых технологий, либо приобрели действительно новое наполнение»[88]. Например, право на доступ к сети Интернет; право на коммуникацию; право на защиту от машинной обработки информации. С.А. Грачева, М.Е. Черемисинова к базовым цифровым правам относят право на доступ к электронным устройствам и коммуникационным сетям, право на защиту персональных данных, право на информационное самоопределение, право на анонимность, право на забвение, право на свободную передачу и распространение информации[89].

М. В. Варлен системообразующим цифровым правом предлагает рассматривать право на цифровое достоинство, при этом понимая под «цифровым достоинством совокупность прав и свобод человека в цифровой среде, обеспечивающих ему уважение, безопасность и возможность самореализации»[90].

Коллектив авторов ИНИОН РАН под руководством И. А. Умновой – Конюховой в систему цифровых прав человека включает: «право на доступ к

---

[84] Варламова, Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 10.

[85] Варламова Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 669-699.

[86] Талапина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. № 2. 2019. С. 50.

[87] Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 130–133.

[88] Липчанская М.А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение. Государственная служба. № 4. С. 37.

[89] Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 57.

[90] Варлен М. В. Достоинство личности: проявившиеся угрозы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 180.

интернету, право на цифровые услуги, право на защиту персональных данных (право на цифровую конфиденциальность), право на забвение, право на информационную приватность, право на свободу выбора цифрового профиля, право на информационную безопасность, право на цифровую автономию, право на цифровую идентификацию, право на управление своей цифровой информацией и др.»[91].

Каталог цифровых прав постоянно дополняется, после пандемии COVID- 19 в специальной литературе среди правоведов идут дискуссии о содержании таких цифровых прав, как право находиться офлайн (the right to be offline), право менять свои интересы (the right to change your mind), право начать все с чистого «цифрового» листа (the right to start over with a clean (digital) slate), право на ограниченный срок действия персональных данных (the right to expiry dates for data), право знать ценность своих персональных данных (the right to know the value of your data), право на «чистую» цифровую среду (the right to a clean digital environment), право на безопасную цифровую среду (the right to a safe digital environment)[92].

И. А. Умнова-Конюхова, стремясь упорядочить множество цифровых прав и избежать их хаотичного перечисления, предлагает классифицировать их по двухуровневому критерию. К первому уровню ученый относит общие (межотраслевые) права, включая доступ к Интернету, защиту персональных данных и цифровую безопасность; ко второму – отраслевые цифровые права, которые находят свою конкретизацию в финансовом, медицинском, образовательном, административном и других отраслях права[93].

Можно утверждать, что право на доступ в Интернет выступает ключевым элементом системы цифровых прав, поскольку служит необходимым условием для реализации других прав, включая: право на забвение, право на защиту

---

[91] Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека: моногр. / под общ. ред. И.А. Умновой-Конюховой. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 90 - 93, 73 - 102.

[92] Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // Computer Law and Security Review. 2022. № 4. P. 6-12.

[93] Умнова-Конюхова И.А. Концепции прав чело века в современных условиях научно-технологического и цифрового раз вития (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2026. № 3. С. 15.

персональных данных, право на цифровую идентичность, право на контроль цифровой информации. Особую положение занимает право на отключение (право быть офлайн), которое представляет собой отказ от цифровых технологий, выступая защитным механизмом от негативных последствий тотальной цифровизации[94].

Хотя тезис о праве на доступ в Интернет как об основном цифровом праве может быть оспорен ввиду сохранения аналоговых альтернатив для реализации прав человека, однако повторим: ключевым аргументом для выделения цифровых прав в отдельную категорию служат не технологии как таковые, а их социальные последствия. Именно свободный доступ в Интернет стал катализатором позитивных изменений (стирание границ, рост гражданской активности, экономическое развитие) и одновременно источником новых угроз (цифровое неравенство, слежка, цензура). Эта способность порождать масштабные социальные последствия, нехарактерная для аналоговых устройств, и оправдывает утверждение о доступе в Интернет как об основном цифровом праве.

При этом анализ доктрины, судебной практики и законодательства позволяет нам говорить о многоаспектности понимания «доступа в Интернет».

Во-первых, доступ в Интернет является самостоятельным правом человека. Так, А. И. Хуснутдинов предлагает «введение в систему российского права понятия права на доступ в Интернет как комплексного субъективного права личности, имеющего фундаментальное (конституционное) значение проистекает из возросшей социальной значимости Интернета, сформировавшейся в законодательстве системы ограничений доступа и риском нарушения функционирования российского сегмента компьютерной сети в результате вредоносного воздействия»[95].

---

[94] Далее в исследовании будет раскрыто юридическое содержание права быть офлайн (права на отключение).

[95] Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 10.

По убеждению Якопо Кокколи, «развитие цифровых прав человека, в частности, права на доступ в Интернет продемонстрировало возможность «технологии стать самим правом»[96].

Анализируя особенности работы сети Интернет, М. Бест еще в 2004 году аргументировал самостоятельность права на доступ в Интернет от информационных прав. Основной аргумент М. Беста звучит так: «однако я выдвигаю более веское утверждение, которое заключается в том, что право на информацию в некоторой степени требует Интернета, и, таким образом, доступ к Интернету сам по себе стал правом человека … Таким образом, быть исключенным из этой информационной технологии - это, по сути, быть исключенным из информации, и точка»[97].

В постановлении по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» ЕСПЧ пришел к выводу, что «доступ к Интернету все более признается как право, эти изменения отражают ту важную роль, которую Интернет играет в повседневной жизни людей, поскольку определенная информация доступна исключительно в Интернете»[98].

Во-вторых, доступ в Интернет одновременно выступает гарантией реализации как традиционных, так и цифровых прав человека. Один из «отцов Интернета», Винтон Г. Серф, понимал Интернет исключительно как средство реализации прав человека[99].

Как гарантию основных прав человека доступ в Интернет понимают также К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов[100], в качестве гарантии реализации

---

[96] Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2. P. 243.

[97] Shandler R., Canetti D. A reality of vulnerability and dependence: internet access as a human right // Israel Law Review 52(1) 2019. P. 80.

[98] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

[99] Cerf V.G. Internet access is not a human right // The New York Times. January 5, 2012. URL: https://nyti.ms/3FWWArK. (дата обращения: 19.03.2025).

[100] Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. N 4. С. 86.

права доступа к информации и свободу слова исследует А. А. Щербович[101], а С. С. Вашурина рассматривает доступ в Интернет в качестве способа реализации традиционных конституционных прав граждан[102].

В Докладе Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю доступ в Интернет понимается как ключевое средство, с помощью которого реализуется право на свободу выражения мнения, закрепленное в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах[103].

ЕСПЧ в решении по делу «Харитонов против России» отметил, что Интернет является средством, с помощью которых люди осуществляют свое право на свободу выражения мнения и информацию[104]. Верховный Суд Индии пришел к выводу, что выражение мнения через Интернет приобрело актуальность и является одним из основных средств распространения информации[105].

В-третьи, Интернет можно рассматривать в качестве общедоступной универсальной услуги. Так, Федеральный закон «О связи» понимает информационно-коммуникационной сетью «Интернет» как универсальную услугу связи[106], акт «Об электронных коммуникациях» Эстонии определяет доступ в Интернет как «общедоступную услугу электронной связи»[107]. Доступ к Интернету

---

[101] Щербович А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2013. С. 29.

[102] Вашурина С. С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан //Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 82.

[103] Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. (A/HRC/17/27). С. 7.

[104] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу Владимира Харитонова против Российской Федерации (жалоба N 10795/14). По делу обжалуется решение органов власти ограничить доступ к противоправному сайту, содержащему сборник фольклорных рассказов о конопле, путем блокирования доступа к сайту заявителя, имеющему такой же IP-адрес, а также нерассмотрение жалобы заявителя на блокирование доступа к его сайту по существу. По делу допущено нарушение требований статьи 10, а также статьи 13 во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 6.

[105] Supreme Court of India Anuradha Bhasin vs Union Of India on 10 January, 2020 // Indiankanoon URL: https://indiankanoon.org/doc/82461587/?ref=internetfreedom.in (дата обращения: 16.03.2025).

[106] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст. 2895.

[107] Elektroonilise side seadus (lühend - ESS) // Riigi Teataja URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/120122022010?leiaKehtiv (дата обращения: 16.03.2025).

в качестве универсальной (общедоступной) услуги закрепляет Директива Европейского Союз № 2009/136/ЕС[108].

В-четвертых, Интернет в науке и международных документах также рассматривается в качестве социального блага. Так, Друкер пишет, если раньше в роли основных факторов производства выступали земля, капитал и труд, то после появления глобальной сети Интернет, знания начали выполнять ключевую роль, конвертируясь в новые социально-экономические блага[109]. А. И. Хуснутдинов в своем диссертационном исследовании рассматривает Интернет как социальное благо, «качествами которого являются: широта предлагаемых возможностей для личности по реализации своего потенциала и по реализации иных субъективных прав; цифровая среда взаимодействия участников информационного общества, включая государство и его органы, институты гражданского общества и отдельных лиц; средство трансформации доступа к материальным и нематериальным благам и расширения их содержания; ценность в общественном сознании в качестве самостоятельного блага»[110]. В Докладе Специального докладчика Франка Ла Рю[111] доступ в Интернет рассматривается как общественное благо.

В-пятых, напротив, доступ в Интернет может быть рассмотрен в качестве угрозы другим правам человека. В политологии можно встретить исследования динамики представления Интернета как блага и угрозы в официальном дискурсе власти в России[112]. По мнению исследований, с 10-х годов XXI века доступ в Интернет рассматривается властью в официальных документах не только как благо, но и как угроза. Цифровые пессимисты говорят, что доступ в Интернет может быть использован для цензуры и слежки, расширения цифрового неравенства и концентрации власти в одних руках[113].

---

[108] Directive 2009/136/EC // European Data Protection Supervisor URL: https://www.edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/legislation/directive-2009136ec_en (дата обращения: 19.03.2025).
[109] Drucker P.F. Managing in a Time of Great Change. New York: Truman Talley Books/Dutton, 1995.
[110] Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 11.
[111] Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. (A/HRC/17/27). С. 3.
[112] Колозариди П. В., Шубенкова А. Ю. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза // Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 1. С. 39 – 54.
[113] Karppinen K. Human rights and the digital. In Tumber H, SW, editors, The Routledge Companion to Media and Human Rights. Abingdon, Oxon: Routledge. 2017. P. 97.

В этой связи в доктрина разрабатывается право на отключение (право быть офлайн). Изначально это право формализуется в трудовом законодательстве европейских государств и понимается как запрет работодателя беспокоить работника бесплатно в свободное от работы время. Данное право закреплено во Франции, Германии, предлагалась попытка закрепления в ч. 6 ст. 312.4 Трудового кодекса Российской Федерации[114].

Однако сегодня, как правило, в зарубежной доктрине право на отключение понимается более широко, отстаивается позиция о необходимости фокусирования права на отключение главным образом на потенциальных неудобствах, которые может вызвать постоянное нахождение в сети, и на свободе выбора, быть онлайн или офлайн[115]. Представляется возможным понимания данного права в качестве составной части, исследуемого И. А. Конюховой-Умновой, «права быть человеком», то есть «правовой возможности человека быть защищенным от каких-либо посягательств на его естественную природу как биофизического, интеллектуально-разумного, психического, социального и духовно-культурного существа»[116].

В- шестых, доступ в Интернет можно рассматривать как позитивное обязательство государства по обеспечению связи[117]. В 2011 году ООН, ОБСЕ, Организация американских государств и Африканская комиссия по правам человека и народов приняли декларацию «О свободе выражения мнений в Интернете», закрепившую обязательства государств по обеспечению всеобщего доступа к Сети. Согласно документу, страны должны: во-первых, разработать правовые механизмы, способствующие расширению интернет-доступа, включая подключение социально незащищенных регионов; во-вторых, оказывать прямую поддержку для развития цифровой инфраструктуры, в том числе создавать общественные ИКТ-центры и точки коллективного доступа; в-третьих, проводить

[114] Лютов Н.Л., Черных Н.В. Трудовое право в условиях больших вызовов: монография. Москва: Проспект, 2023.
[115] Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // Computer Law and Security Review. 2022. № 4. P. 6-12.
[116] Умнова-Конюхова И. А. Право быть человеком - фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 11. С. 43.
[117] Karppinen K. Human rights and the digital. In Tumber H, SW, editors, The Routledge Companion to Media and Human Rights. Abingdon, Oxon: Routledge. 2017. P. 98.

просветительские программы по цифровой грамотности для населения, в – четвертых, внедрять специальные меры, гарантирующие равные возможности для людей с инвалидностью и уязвимых групп. Декларация подчеркивает, что доступ в Интернет должен быть универсальным, недискриминационным и ориентированным на преодоление цифрового неравенства[118].

В- седьмых, доступ в Интернет можно понимать как технологию, инфраструктуру. В данном аспекте доступ в Интернет понимается как система технических средств, которая способствует реализации конституционных прав человека: не только информационных прав, но и экономических (свободное перемещение товаров, оказание работ и услуг через Интернет); трудовых (труд дистанционных (удаленных) работников)[119].

Многоаспектное понимание доступа в Интернет необходимо не для выбора единственно верной трактовки, а для адекватного юридического анализа, поскольку в разных правоотношениях доступ выступает в разных качествах – как самостоятельное право, как гарантия, как услуга, как благо или как инфраструктура. Такой подход обеспечивает системность, гибкость и практическую применимость правовых норм, учитывая, что одна и та же технология одновременно создаёт возможности, риски и обязанности для разных субъектов.

Поколения цифровых прав человека. Традиционно в науке международного и конституционного права используют классификацию, предложенную К. Васаком, и выделяют три поколения прав человека. Первое поколение прав выражают так называемую «негативную» свободу: обязывают государство воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы и создавать условия участия граждан в политической жизни. Права второго поколения называются «позитивными» правами, то есть государство обязано создавать

---

[118] Совместная декларация о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде // OSCE = ОБСЕ: официальный интернет-сайт. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf (дата обращения: 06.01.2024).

[119] Клычев Р.А. Информационно-коммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2020. N 5. С. 17.

соответствующие благоприятные условия, необходимые для их реализации. Особенность третьего поколения прав заключается в том, что они являются коллективными, так называемые «права солидарности (право на развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, на общее наследие человечества, а также право на коммуникацию)[120].

Также в доктрине прав человека разработана теория функций прав человека[121] (нем.: Statuslehre) Еллинека близкая по содержанию к классификации по поколениям. По Еллинеку можно выделить функцию status negativus, поскольку защита прав человека основана на идее о необходимости сдерживания злоупотребления властью; функция status positivus, напротив, направлена на создание государством необходимых условий для реализации прав человека, поскольку государство заинтересовано в благополучии человека[122].

Среди ученых нет единого мнения по вопросу отнесения цифровых прав человека к новому, четвертому поколению прав человека, принимая во внимание техногенный фактор их появления и развития[123], или же или же их отнесение к первому, второму и третьему поколениям прав.

Согласно представленной классификации цифровые права человека (включая право на интернет-доступ) обладают двойственной правовой природой, поскольку, с одной стороны, имеют черты первого поколения прав (негативные обязательства): требуют от государства воздержания от необоснованного вмешательства в цифровое пространство, запрещают произвольные ограничения доступа к интернет-ресурсам. С другой стороны, признаки второго поколения прав (позитивные обязательства): предполагают активную роль государства в создании технологической инфраструктуры, требуют обеспечения технической возможности доступа к сети.

---

[120] Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р. М. Валеева. М.: Статут, 2011. С. 134.
[121] Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Tübingen: Mohr Siebeck, 1919. P. 87, 94.
[122] Нуссбергер А. Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями?: Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. Т. 33. 2024. № 2 (159). С. 94.
[123] Рудинский Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. 2000. № 31. С. 42–81.

Полагаем, что признание цифровых прав человека, в частности, права на доступ в Интернет, в качестве первого поколения прав человека не будет иметь какого-либо практического значения, поскольку невмешательство государства в цифровую среду, запрет необоснованного ограничения доступа к Интернет – ресурсам, могут быть обеспечены закреплением в международных и конституционных актах иных прав, в частности, права на информацию, права на частную жизнь, права на свободу слова, собраний и т.д.

Вместе с тем, на наш взгляд, важно признание права на доступ в Интернет в качестве второго поколения прав человека, поскольку такое признание позволит обеспечить доступность присоединения к сети Интернет для большего числа людей [124], создаст обязанность для государства по обеспечению граждан соответствующей инфраструктурой, что создает иную проблему – необходимость финансирования обеспечения права на доступ в Интернет, в том числе поэтому государства осторожно подходят к признанию на конституционном уровне права на доступ в Интернет, о чем речь пойдет во третьем параграфе диссертации.

Сегодня в трудах российских[125] и зарубежных[126] ученых можно встретить не просто классификацию основных прав и свобод человека и гражданина по поколениям, но и отдельно цифровых прав. К первому поколению цифровых прав человека ученые относят свободу выражения мнения в Интернете. Необходимым для реализации этого права является доступ к Интернету. При этом ученые перераспределяют акцент гарантированности свободы выражение мнения на необходимость в определенных пределах ограничивать это права с целью недопущения оскорблений, распространения деструктивной информации в сети Интернет[127].

---

[124] Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 35.

[125] Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 34.

[126] Dror-Shpoliansky D., Shany, Yu. It’s the End of the (Offline) World as We Know It: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology. // European Journal of International Law. 2021. Vol. 32, Issue 4. P. 1265 -1271.

[127] Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 34.

Формирование цифровых прав второго поколения направлено на защиту актуальных потребностей пользователей в цифровой среде. К таким правам относятся: во-первых, право на интернет-доступ – фундаментальная гарантия, обеспечивающая реализацию других цифровых прав и возможностей, выходящих за рамки традиционного права на информацию (поиск, получение и распространение данных). Во-вторых, право на цифровое самоопределение – возможность самостоятельно контролировать использование своих персональных данных в интернете, определяя степень их раскрытия. Размещенная в сети личная информация формирует цифровой профиль человека и должна находиться под его эффективным контролем. В-третьих, право на человеческое вмешательство – защита от исключительно алгоритмических решений искусственного интеллекта в вопросах, затрагивающих значимые аспекты жизни личности[128].

Цифровые права третьего поколения характеризуются расширением круга субъектов права и появлением новых обязательств для субъектов отношений в сети Интернет. В отличие от традиционной системы, ориентированной преимущественно на государство и физических лиц, они признают новых правообладателей: интернет-провайдеров, владельцев поисковых систем, операторов связи, других участников цифровой экосистемы. А также устанавливают специфические обязательства для этих субъектов: обязанности по обеспечению цифровых прав пользователей, ответственность за соблюдение новых норм цифрового взаимодействия[129].

Нам представляется, что развитие цифровых прав закономерно акцентирует внимание на следующих ключевых аспектах. Во-первых, смещается фокус на право на цифровой суверенитет личности, то есть возможности самостоятельного определения границ раскрытия персональных данных, контроля над цифровым профилем, формируемым в онлайн-пространстве, защиты от неавторизованного использования личной информации, запрета на исключительно алгоритмическое

---

[128] Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 34.
[129] Там же. С. 34.

принятие решений в значимых сферах жизни. Во -вторых, особое значение приобретает повышение ответственности бизнес-структур как операторов персональных данных, развитие корпоративных механизмов защиты цифровых прав пользователей[130].

В литературе также существует классификация прав человека по сфере реализации на личные, политические, социальные, экономические, культурные. Личные (или гражданские) права – фундаментальные права, данные человеку от рождения. Их главная цель заключается в защите свободы, достоинства и автономии личности от необоснованного вмешательства государства. Политические права обеспечивают возможность гражданам участвовать в управлении государством и общественной жизнью. Экономические и социальные права создают условия для достойного уровня жизни и свободного развития человека. В отличие от личных прав, они часто требуют активных действий и гарантий со стороны государства в социальной и экономической сферах. Культурные права направлены на духовное развитие и творческую самореализацию личности, а также на обеспечение доступа к культурной жизни общества[131].

Представляется, что попытка отнести цифровые права человека к одной категории будет неудачной. Так, право на доступ в Интернет, с одной стороны, включает негативный аспект невмешательство государства в автономию личности в цифровой среде, что свойственно для личных прав человека. С другой стороны, право на интернет-доступ рассматривается в качестве социальной услуги (блага), создает обязательства для государства по созданию инфраструктуры доступа в Интернет, что сближает данное цифровое право с социальными. Право на защиту персональных данных, право на забвения ввиду близости к праву на неприкосновенность к частной жизни относят к личным правам[132].

---

[130] Данная мысль получит развитие в параграфе «Особенности реализации цифровых прав человека».

[131] Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / Под ред. Р. М. Валеева. М.: Статут, 2011. С. 63.

[132] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145). С. 73.

Таким образом, анализ выделяемых учеными цифровых прав позволяет следующие выводы по параграфу.

1. Определить систему цифровых прав как упорядоченную совокупность прав человека, реализуемых с использованием цифровых технологий, обеспечивающих защиту достоинства, автономии и возможностей человека в условиях цифровой среды. Право на доступ в Интернет выступает системообразующим элементом системы цифровых прав, поскольку служит необходимым условием для реализации других цифровых гарантий, включая: право на забвение, право на защиту персональных данных, право на цифровую идентичность, право на контроль цифровой информации.

Особое положение занимает право на отключение (право быть офлайн), которое представляет собой отказ от цифровых технологий, выступая защитным механизмом от негативных последствий тотальной цифровизации.

2. При этом мы доказываем многоаспектность понимания доступа в Интернет: во-первых, как самостоятельное право человека; во-вторых, как гарантия реализации «традиционных» и цифровых прав; в-третьих, как общедоступная универсальная услуга; в-четвертых, как социальное благо; в-пятых, как угроза другим правам человека; в-шестых, как позитивное обязательство государства по обеспечению связи, в-седьмых, как технология.

Многоаспектное понимание доступа в Интернет необходимо для адекватного юридического анализа, поскольку в разных правоотношениях доступ выступает в разных качествах – как самостоятельное право, как гарантия, как услуга, как благо или как инфраструктура. Такой подход обеспечивает системность, гибкость и практическую применимость правовых норм, учитывая, что одна и та же технология одновременно создаёт возможности, риски и обязанности для разных субъектов.

1.3. Правовое оформление цифровых прав человека

Защита прав человека в сети Интернет, в силу его трансграничного характера, задача международных и внутригосударственных органов, в силу чего мы будем рассматривать динамику формализации, в первую очередь, права на доступ в Интернет, а также иных цифровых прав, на международном, конституционном и законодательном уровнях.

Цифровые права человека в международных правовых актах и в решениях международных судебных органов. На международном уровне признание права на доступ в Интернет и, тем более иных цифровых прав, идет достаточно осторожно. Право на доступ в Интернет выводится из таких универсальных прав человека, как: свобода слова, право на информацию, право на неприкосновенность частной жизни, право на образование и др.

В 2000 году ООН в Декларации тысячелетия провозглашает необходимость принятия мер для обеспечения каждого доступом к информационным и коммуникативным технологиям[133].

Окинавская хартия Глобального информационного общества 21 июля 2000 г., принятая лидерами государств «Большой восьмерки», подчеркивает важность информационно-коммуникативных технологий в жизни общества, поскольку «их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества»[134]. Хартия возлагает на государства позитивные обязательства, такие как: разработка информационных сетей, обеспечивающих быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ с помощью конкурентных рыночных условий и соответствующих нововведений к сетевым технологиям, их обслуживанию и применению; проведение экономических и структурных реформ в целях создания обстановки открытости, эффективности, конкуренции и использования

---

[133] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 20.03.2025).

[134] Окинавская хартия Глобального информационного общества // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (дата обращения: 06.04.2025).

нововведений, которые дополнялись бы мерами по адаптации на рынках труда, развитию людских ресурсов и обеспечению социального согласия; рациональное управление макроэкономикой, способствующее более точному планированию со стороны деловых кругов и потребителей и использование преимуществ новых информационных технологий[135].

В 2011 году в докладе Франка Ла Рю доступ в Интернет понимается как ключевое средство, с помощью которого реализуется право на свободу выражения мнения, закрепленное в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах, цифровые технологии являются инструментами экономического развития, повышения участия в политической жизни, борьбы с неравенством, способствуют социальному прогрессу[136]. В разделах IV и V рассматриваются Доклад понимает доступ В Интернет в двух значениях: во-первых, доступ к контенту, во-вторых, наличие необходимой инфраструктуры. Глава IV посвящена основаниям ограничения права на свободу информации в сети, таким как блокировка и фильтрация контента, уголовное преследование за выражение мнений, давление на интернет-посредников, отключение пользователей от сети за нарушения авторских прав, а также кибератаки и слабая защита приватности и персональных данных[137].

Джонатон У. Пенни (Jonathon W. Penney) в своём анализе Доклада Франка Ла Рю выделяет два ключевых момента. Во-первых, ученый указывает, что Доклад способен повлиять на национальные законы, касающиеся доступа в Интернет, однако их интерпретация будет зависеть от правовой системы и юридических традиций каждой страны. Во-вторых, по мнению автора, Доклад может усилить общественную поддержку идеи о закреплении за государствами позитивных обязательств по гарантированию доступа в сеть[138].

---

[135] Окинавская хартия Глобального информационного общества // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (дата обращения: 06.04.2025).

[136] Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. (A/HRC/17/27). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g16/095/14/pdf/g1609514.pdf?OpenElement. С. 7.

[137] Там же. С. 1.

[138] Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. 2011. vol. 38. P. 41-42.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» 2024 [139] года, «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» 2023 [140] года , «Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития» 2023 [141] года признают, что те права, которыми люди обладают за пределами Интернета, должны защищаться и в Интернете; рекомендуют государствам содействовать и принимать меры к формированию открытой, защищенной, стабильной, доступной и мирной информационно коммуникационной среды; призывают коммерческие предприятия принимать меры к защите прав человека в Интернете. При этом документы, хотя и отмечают важность цифровых технологий, все-таки прямо не закрепляют цифровые права человека, не содержат прямой формулировка доступа Интернета как права человека.

Трансграничный характер сети Интернет, скорость и объем передаваемой с использованием цифровых технологий информации увеличивает последствия нарушения прав человека, затрудняет возможность восстановления нарушенного права, в связи с чем специалистами международного права выдвигаются предложения о принятии специального международного правового акта в области охраны (защиты) цифровых прав человека[142].

Так, В. А. Карташкин пишет о необходимости разработки международно-правовых документов рекомендательного характера, относящихся к так называемому «мягкому праву» (soft law), т.е., о декларации. После согласования интересов государств-членов ООН можно будет приступить к разработке итогового документа[143].

---

[139] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от «08» ноября 2024 г. «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху». URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/338/06/pdf/n2433806.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

[140] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от «22» декабря 2023 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: https://digitallibrary.un.org/record/4032837/files/A_RES_78_213-RU.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

[141] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от «21» декабря 2023 г. «Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития». URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/418/16/pdf/n2341816.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

[142] Dror-Shpoliansky D., Shany, Yu. It's the End of the (Offline) World as We Know It: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology. // European Journal of International Law. 2021. Vol. 32, Issue 4. P. 1264.

[143] Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения. Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 953.

На региональном уровне в рамках Европейского Союза в декабре 2022 года принята Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия.[144] В Декларации излагаются общие политические намерения и обязательства, а также упоминаются наиболее важные права в контексте цифровой трансформации. Декларация исходит из необходимости обеспечения государствами цифрового равенства (главы I и II Декларации), свободы выражения мнения в цифровой среде (глава IV Декларации. Отдельная, V глава Декларации, содержит положения о безопасном использовании цифровых технологий, конфиденциальности персональных данных пользователей, наличии при использовании цифровой технологии возможности индивидуального контроля за персональными данными пользователя.

Прямое закрепление цифровых прав человека отсутствует в Конвенции о защите прав человека и основных свобод[145]. Однако ЕСПЧ, применяя эволютивный метод толкования её положений, выводит право на доступ в Интернет из совокупности прав, гарантированных статьями 8 (право на уважение частной жизни) и 10 (свобода выражения мнения) Конвенции[146].

Особый интерес представляют решения ЕСПЧ, касающиеся ограничений права на доступ к Интернету (дела Калда против Эстонии[147], Янковскис против Литвы[148], Владимир Харитонов[149], Энгельс[150] против России).

---

[144] European Digital Rights and Principles //European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles (дата обращения: 22.03.2025).

[145] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

[146] Кравчук Н. В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий (обзор) // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. №. 1. С. 194.

[147] ECtHR. Kalda v. Estonia. Application no. 17429/10. Judgment of 19 January 2016. Paras. 52-53 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: http://hudoc.echr. coe.int/eng?i=001-160270.

[148] ECtHR. Jankovskis v. Lithuania. Application no. 21575/08. Judgment of 7/01/2017. Paras. 59-64 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: http://hudoc.echr. coe.int/eng?i=001-170354.

[149] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу Владимира Харитонова против Российской Федерации (жалоба N 10795/14). По делу обжалуется решение органов власти ограничить доступ к противоправному сайту, содержащему сборник фольклорных рассказов о конопле, путем блокирования доступа к сайту заявителя, имеющему такой же IP-адрес, а также нерассмотрение жалобы заявителя на блокирование доступа к его сайту по существу. По делу допущено нарушение требований статьи 10, а также статьи 13 во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 6.

[150] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16). По делу обжалуется вмешательство в право заявителя на распространение информации, поскольку он был вынужден удалить законный контент, чтобы избежать блокирования всего сайта. По делу допущены нарушения

До рассмотрения дела «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» ЕСПЧ не признавал доступ в Интернет самостоятельным правом человека, а рассматривал его лишь как инструмент для реализации гарантированных Конвенцией прав. Однако в указанном решении Суд уже прямо указывает: «Доступ к Интернету все чаще признается в качестве права, что отражает его возрастающую роль в повседневной жизни, учитывая, что некоторые категории информации доступны исключительно онлайн»[151].

В Евразийском экономическом союзе (далее –ЕАЭС) принята Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года[152], основными целями которой являются равноправное партнерство, развитие интеграции и сотрудничества государств - членов в ходе реализации цифровой повестки; синергия в процессе решения государствами-членами совместных задач в рамках Союза; расширение включенности в цифровую повестку и преодоление всех форм цифрового разрыва; развитие открытой и благоприятной деловой среды в государствах-членах; обеспечение взаимной выгоды для государств-членов, в том числе расширение цифровой интеграции; использование предоставленной информации только в заявленных целях без ущерба для государства-члена, ее предоставившего; сопряжение национальных информационных систем государств-членов; развитие национальных цифровых повесток, обозначенных в стратегических документах и связанных с цифровой трансформацией в государствах-членах; экономическая обоснованность актов, принимаемых органами Союза; равный доступ государств-членов к информационным ресурсам Союза; органическое развитие информационных ресурсов государств-членов с

требований статей 10, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская хроника Европейского Суда. 2021. № 1.

[151] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

[152] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 08.04.2025).

обеспечением необходимого уровня интероперабельности (технологической открытости).

Модельный Информационный кодекс для государств –участников СНГ от 3 апреля 2008 г. устанавливает цели национального информационного законодательства, среди которых: обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека в информационной сфере; обеспечение информационной безопасности человека, общества и государства; содействие развитию системы информационных ресурсов, созданию развитой информационной инфраструктуры, повышению эффективности предпринимательской деятельности в информационной сфере; создание правовых условий для эффективной конкуренции на рынке информационных услуг и работ (статья 1). Кодекс устанавливает принципы информационного законодательства, для целей работы нам наиболее интересны такие, как: обеспечение свободы получения и распространения информации для всех субъектов информационных отношений и информационно-инфраструктурных отношений, установление баланса прав и законных интересов человека, общества и государства в информационной деятельности (статья 2). В статье 4 Кодекс подчеркивает свободу получения, поиска, использования, создания, распространения, хранения информации любым законным способом, независимо от государственных границ. Кодекс допускает возможность ограничения прав человека в информационной сфере только на основании закона в перечисленных публичных интересах (статья 5)[153].

Модельный закон СНГ «Об основах регулирования Интернета» 2011 года прямо закрепляет право на использование Интернета и доступ к размещенной в нем информации (статья 5). Возлагает на органы государственной власти, органы местного самоуправления обязательства по обеспечению равноправного, недискриминационного доступа пользователей к Интернету; недопущению необоснованных ограничений деятельности операторов услуг Интернета и

[153] Модельный Информационный кодекс для государств - участников СНГ (часть первая) от 03 апреля 2008 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, № 42, 2008.

осуществляемого посредством Интернета обмена информацией; содействию развитию рынка услуг, оказываемых с использованием интернет-технологий, недопущение монополизации и недобросовестной конкуренции[154].

Кроме того, в СНГ имеется Модельный закон «О цифровых правах» от 14 апреля 2023 г. Однако в данном акте цифровые права понимаются в контексте частного права, то есть как — субъективное гражданское право на цифровой объект, подтвержденное записями в информационной системе[155]. Модельный закон оговаривает, что не относятся к предмету регулирования данного акта права человека и гражданина в интернет-среде (интернет-права)[156].

Таким образом, анализ международных правовых актов и решений межгосударственных судебных органов демонстрирует две тенденции: во-первых, признание доступа к Интернету и иных цифровых прав в качестве права человека через судебное и доктринальное толкование, во-вторых, отсутствие единого универсального акта, прямо закрепляющего перечень цифровых прав человека.

Цифровые права человека в конституциях государств и решениях органов конституционного контроля. Прямое закрепление права на доступ в Интернет и иных цифровых прав на конституционном уровне встречается достаточно редко. Однако в некоторых недавно разработанных (измененных) конституций зарубежных государств можно встретить формализацию некоторых цифровых прав человека. Так, Конституция Греции в статье 5А устанавливает право каждого «участвовать в информационном обществе». С этой целью государство приняло на себя обязанность «содействовать доступу к передаваемой в электронной форме информации, а также производству, передаче и

---

[154] Модельный закон «Об основах регулирования Интернета» Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств, Приложение к постановлению МПА СНГ от 16.05.2011 г. № 36-9 // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/international/docs/mpa_modzakon.php (дата обращения: 06.04.2025).

[155] Модельный закон о цифровых правах (Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-12 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (часть 2).

[156] Разграничения понимания цифровых прав с позиции частного и публичного права будет нами изложено далее в исследовании.

распространению такой информации»[157]. Статья 19 греческого основного закона закрепляет право на защиту персональных данных и провозглашает: «каждый имеет право на защиту от сбора, обработки и использования, в том числе с помощью электронных средств, своих персональных данных в соответствии с законом. Защита персональных данных обеспечивается независимым органом, учреждённом в соответствии с законом»[158].

В соответствии со ст. 6 Конституции Мексики (в редакции 2013 года) государством гарантируется право на доступ к информационным и коммуникационным технологиям, а также к вещательным и телекоммуникационным услугам, включая связь и Интернет[159].

Запрет закрытия Интернет-ресурсов или других видов цифровых или электронных средств в связи с произведенными публикациями закреплялся в ст. 15 Переходной конституции Непала 2007 г., затем это положение было перенесено в ст. 19 действующей Конституции, принятой в 2015 г[160].

Проект Конституции Чили, так и не принятый на референдуме 2022 года, закреплял не только право на доступ в Интернет, право на безопасность в Интернете и защиту от причинения вреда в Интернете, право на свободное от насилия онлайн-пространство[161].

В конституциях стран СНГ прямое закрепление цифровых прав, таких как доступ к интернету или защита персональных данных, встречается достаточно редко, однако в последние годы наметилась тенденция к их косвенному признанию через нормы о приватности и свободе информации. Статья 18 Конституции Республики Казахстан закрепляет право на неприкосновенность частной жизни,

---

[157] The Constitution of Greece (As entered into force by virtue of the XIIth Resolution of June 7, 1975 of the Vth Revisionary Parliament. Revised by Resolution of November 25, 2019 of the IXth Revisionary Parliament). Hellenic Parliament. 2022. P. 29.

[158] The Constitution of Greece (As entered into force by virtue of the XIIth Resolution of June 7, 1975 of the Vth Revisionary Parliament. Revised by Resolution of November 25, 2019 of the IXth Revisionary Parliament). Hellenic Parliament. 2022. PP. 32.

[159] Political Constitution of the United Mexican States // OAS URL: https://www.oas.org/ext/Portals/33/Files/Member-States/Mex_intro_txtfun_eng.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

[160] The Constitution of Nepal // The UN Refugee Agency URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2015/en/149576 (дата обращения: 16.03.2025).

[161] ¿Quieres conocer cuáles son los Derechos Digitales propuestas en el proyecto de Nueva Constitución? URL: https://vti.uchile.cl/que-dice-el-proyecto-de-nueva-constitucion-sobre-los-derechos-digitales/ (дата обращения: 17.03.2025).

личную и семейную тайну; возлагает на органы государственной власти, общественные объединения, должностные лица и средства массовой информации обязанность по обеспечению каждому гражданину возможности ознакомления с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации[162].

Среди государств СНГ наиболее передовыми можно назвать формулировки Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 года. Так, статья 31 закрепляет, во-первых, право на защиту персональных данных, во-вторых, право на забвение, то есть право требовать исправления недостоверных данных, уничтожения данных, собранных о нем незаконным путем или более не имеющих правовых оснований[163]. А статья 33 Основного Закона возлагает на государство обязанности по созданию условий для обеспечения доступа к всемирной информационной сети Интернет[164].

В некоторых государствах органы конституционного контроля путем толкования основных, «традиционных» прав человека в конкретной правоприменительной ситуации выводят цифровые права. Так, А. Нуссбергер указывает, что еще в 1983 году Федеральный конституционный суд ФРГ вывел понятия «общее личное право» и «право на информационное самоопределение»[165]. Сначала в 1980 году орган конституционного контроля Германии указал, что «будучи “неписанным” личным правом, оно [общее личное право] дополняет специальные (“явно закреплённые”) личные права, такие, как, например, свобода совести или свобода мнений, также защищают важнейшие аспекты личности. Задача «общего личного права» состоит в том, чтобы в свете базового принципа “достоинства человека” (абзац 1 статьи 1 Основного закона) гарантировать более

---

[162] Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 06.04.2025).

[163] Конституция Республики Узбекистан утверждена Конституционным Законом РУз от 01.05.2023 г. N ЗРУ-837, принятым на референдуме РУз 30.04.2023 г. // Единый национальный портал «Конституция Нового Узбекистана». URL: konstitutsiya.gov.uz/ru?suggestion=3&chapter=13 (дата обращения: 06.04.2025).

[164] Конституция Республики Узбекистан утверждена Конституционным Законом РУз от 01.05.2023 г. N ЗРУ-837, принятым на референдуме РУз 30.04.2023 г. // Единый национальный портал «Конституция Нового Узбекистана». URL: konstitutsiya.gov.uz/ru?suggestion=3&chapter=13 (дата обращения: 06.04.2025).

[165] Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 52-54.

узкую сферу личного жизненного пространства и защиту условий для его обеспечения, которые не могут быть охвачены в полной мере отдельными традиционными свободами; необходимость этого возникает и с учётом современного развития и вызванного им по явления новых угроз для защиты человеческой личности» [166] . Далее в 1983 году суд выступил против неограниченного «сбора сведений о народонаселении, территориальном распределении на селения, его составе с учётом социальных и демографических признаков, а также экономической активности» [167] и отметил, что «с учётом современной информационной техники… защита индивида от неограниченного сбора, хранения, применения и передачи его персональных данных входит в сферу общего личного права согласно абзацу 1 статьи 2 Основного закона в совокупности с абзацем 1 статьи 1 Основного закона»[168], и постановил: «ограничения этого права на “информационное самоопределение”… допустимы лишь в случае наличия более весомого общественного интереса», а также, «должны быть приняты соответствующие организационные и процедурные меры, которые предотвратят опасность нарушения [указанного] личного права»[169].

А. Нуссбергер чрезвычайно положительно заключает, что благодаря эволютивному толкованию ст. 19 Основного закона Федеральным конституционным судом, «Основной закон был подготовлен для встречи с вызовами XXI века»[170].

Конституционный Совет Франции в решении от 10 июня 2009 года по делу № 2009-580 DC Закон «О защите литературной и художественной собственности в Интернете» признал производным от свободы коммуникации и свободы выражения мнения, закрепленного в ст. 19 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года, право на свободный доступ к Интернету. По мнению Конституционного Совета: «в настоящее время эти свободы [свобода

---

[166] Bundfesverfassungsgericht. 1 BvR 185/77. Beschluß vom 3. Juni 1980. E 54. S. 148–158, 152.
[167] Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 54.
[168] BVerfG. Volkszählung. Urteil vom 15. Dezember 1983. E 65. S. 1–71, 1. Leitsatz 1.
[169] Ibid. Leitsatz 2.
[170] Нуссбергер А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 57.

коммуникации и свобода выражения мнения], принимая во внимание общее развитие Интернета и его значение для участия в демократической жизни и выражения идей и мнений, включают в себя и свободу доступа к службам онлайн (электронным службам)»[171]. Затем Конституционный Совет пришел к выводу, что право на свободный доступ в Интернет может быть ограничено только в судебном порядке.

Верховный Суд Индии в 2020 году, исследуя возможность ограничения права на доступ в Интернет в Джамму и Кашмире, особо отметил, что «выражение мнения через Интернет приобрело актуальность и является одним из основных средств распространения информации. Таким образом, свобода слова и выражения мнения через Интернет является неотъемлемой частью статьи 19(1)(a) Конституции [свобода слова и свобода выражения мнения] и, соответственно, любое ограничение этого должно соответствовать статье 19(2) Конституции [ограничение прав и свобод только с определенной указанной в Конституции целью]» [172] . Кроме того, суд указал, без доступа в Интернет невозможно осуществление определенных видов торговли, соответственно, ограничение доступа в Интернет нарушает ст. 19(1)(g) Конституции Индии (свобода труда)[173].

Осторожный подход к закреплению на конституционном уровне права на доступ в Интернет, как указывает А. А. Щербович, связан с тем, что, во-первых, закрепление его на конституционном уровне приводит к возникновению позитивного обязательства государства обеспечивать его реализацию, в том числе путем создания необходимой инфраструктуры, направленной на преодоление «цифрового неравенства», во-вторых, существует причина политико-идеологического толка: Интернет реально позволяет более эффективно реализовывать многие права и свободы, в том числе политические, а значит, государство, признавая право на доступ в Интернет, «должно быть готово к тому,

---

[171] Конституционный Совет Французской Республики и некоторые его решения. Управление международных связей и обобщения практики конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации. С. 100.

[172] Supreme Court of India Anuradha Bhasin vs Union Of India on 10 January, 2020 // Indiankanoon URL: https://indiankanoon.org/doc/82461587/?ref=internetfreedom.in (дата обращения: 16.03.2025).

[173] Supreme Court of India Anuradha Bhasin vs Union Of India on 10 January, 2020 // Indiankanoon URL: https://indiankanoon.org/doc/82461587/?ref=internetfreedom.in (дата обращения: 16.03.2025).

что в открытом информационном обществе это будет происходить без государственного вмешательства»[174].

Конечно, Конституция России не закрепляет прямо ни права на доступ в Интернет, никакого-либо другого цифрового права человека. Однако основной закон гарантирует свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст.29), право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право каждого на дачу согласия на сбор, использование и распространение информации о его частной жизни (ч. 1 ст. 24).

Одновременно нам представляется, что принцип социального государства, закрепленный в статье 7 Конституции, в современных условиях неизбежно включает в себя гарантии свободного доступа к Интернету как важнейшей социальной услуги. В цифровую эпоху интернет становится таким же базовым ресурсом для жизнеобеспечения, без которого невозможно полноценное осуществление других социальных прав - на образование, медицинскую помощь, получение государственных и муниципальных услуг.

Кроме того, статья 21 закрепляет, что достоинство личности охраняется государством, ставит императивный запрет его умаления. Право на достоинство, как отмечает Е. А. Лукашева, является основной целью всех остальных прав человека. В этом смысле достоинство человека – источник его прав и свобод. Разделы о правах и свободах человека во многих современных конституциях открываются понятием «достоинство человека». Достоинство – это признание обществом социальной ценности, уникальности конкретного человека, значимости каждой личности как частицы человеческого сообщества[175]. По справедливому утверждению А. И. Ковлера, пришествием «цифры» в жизнь современного

[174] Щербович А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России // Копирайт. 2015. № 3. С. 58.
[175] Лукашева. Е. А. Права человека. Учебник для вузов. М, 1999. С. 85.

человека проблема защиты его персональных данных (Big Data) становится ключевой проблемой защиты его человеческого достоинства[176].

В связи с чем полагаем, что в конкретной правоприменительной ситуации цифровые права человека могут быть защищены в результате эволютивного толкования правоприменителем, прежде всего судом, принципов, закрепленных в основах конституционного строя, а также «традиционных» прав человека. Одновременно, ввиду особого порядка пересмотра глав 1, 2 Конституции Российской Федерации, только путем принятия новой конституции при участии Конституционного Собрания, федеральный конституционный закон о котором так и не принят, представляется невозможным прямая формализация в конституционном тексте цифровых прав человека.

В результате конституционной реформы 2020 г. информация, информационные технологии; обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (пп. «и», «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации) закреплены в качестве предмета ведения Российской Федерации. Как отмечает Н.С. Бондарь, современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает основы человеческого бытия в обществе[177]. Конституционная реформа, по мнению Т.Я. Хабриевой, с одной стороны, сохранив базовые фундаментальные принципы, подготовила Основной Закон «к вызовам технологической революции и нового технологического уклада»[178].

Одновременно, закрепленные в п. «м» ч. 1 ст. 71 Конституции «информационные технологии» в данном случае толкуются расширительно, поскольку «государство, право и Конституция должны создавать защитные

---

[176] Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. Т. 26 № 12. 2024. С. 12.

[177] Бондарь Н.С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. N 11. С. 25.

[178] Хабриева Т.Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 11.

механизмы от угроз, проистекающих из всего многообразия новейших технологий, а не только отдельных их разновидностей»[179]. По мнению Г. Д. Садовниковой, поправка в п. «м» ч. 1 ст. 71 Конституции России является гарантией предупреждения негативных аспектов цифровизации[180].

Расширение предметов ведения Российской Федерации свидетельствует, на наш взгляд, о повышении роли цифровых технологий в обществе и государстве, необходимости совершенствования правового регулирования отношений в цифровой среде, осознании конституционным законодателем необходимости предупреждения, преодоления рисков нарушения прав человека при использовании информационных, цифровых технологий.

Скорость и объем передаваемой посредством цифровых технологий информации качественным образом влияет на последствия нарушения прав и свобод человека[181]. В условиях цифровизации перед органами публичной власти возникают обязанности обеспечения безопасности; установления ответственности за действия и поступки в цифровой среде; обеспечения здоровья и благополучия пользователей; проведения мероприятий по повсеместному обеспечению цифровой грамотности и этикету в цифровой среде[182]. В этой связи нам представляется целесообразным дополнение ст. 23 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» пунктом 3.1 в следующей редакции: «3.1) осуществляет меры по обеспечению свободного доступа к информационным и коммуникационным технологиям и услугам, включая связь и сеть Интернет; государственной поддержки развития информационно-коммуникативных и цифровых технологий».

---

[179] Хабриева Т.Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 20.

[180] Садовникова Г. Д. Конституционализация социально-экономической сферы и социальное благополучие человека // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 7. С. 32.

[181] Костенков К. А. Искусственный интеллект и права человека: риски взаимодействия. Теория государства и права. 2023. № 4 (33). С. 228.

[182] Комарова В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. № 2. С. 44.

Закрепление цифровых прав на уровне закона. В ряде государств (Эстония[183], Финляндия[184], Россия[185]) Интернет на уровне закона признан в качестве универсальной и общедоступной услуги[186].

Первенство в создании правового регулирования защиты персональных данных в Европейском Союзе принадлежит Швеции. В 1973 году в данном государстве был принят Закон о данных. Необходимость в подобном правовом регулировании возникла ввиду риска нарушения права на неприкосновенность частной жизни в процессе проведения цифровой переписи населения в 1970-х годах[187].

Также вызывает интерес законодательство Испании. В данном государстве легально закреплено не только право на доступ в Интернет, право на защиту персональных данных. Так, раздел X Органического закона 3/2018 от 5 декабря 2018 года «О защите персональных данных и гарантиях цифровых прав» закрепляет право на нейтралитет в Интернете, право на всеобщий доступ к сети Интернет, право на цифровую безопасность, право на цифровое образование, защита несовершеннолетних в сети Интернет, право на исправление в Интернете, право на обновление информации в электронных средствах массовой информации, право на неприкосновенность частной жизни и использование цифровых устройств на рабочем месте, право на отключение цифровой связи на рабочем месте, право на неприкосновенность частной жизни в отношении использования средств видеонаблюдения и звукозаписи на рабочем месте, право на неприкосновенность частной жизни при использовании систем геолокации на рабочем месте, цифровые права в коллективных переговорах, защита данных несовершеннолетних в сети Интернет, право быть забытым при поиске в Интернете, право на забвение в

---

[183] Elektroonilise side seadus (lühend - ESS) // Riigi Teataja URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/120122022010?leiaKehtiv (дата обращения: 16.03.2025).

[184] Tietoyhteiskuntakaari // Finlex URL: https://finlex.fi/fi/lainsaadanto/saadoskokoelma/2014/917 (дата обращения: 16.03.2025).

[185] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.

[186] К данному тезису автор вернется при анализе позитивных гарантий цифровых прав.

[187] Dowd R. The Birth of Digital Human Rights: Digitized Data Governance as a Human Rights Issue in the EU // Palgrave Macmillan Cham. 2022. P. 81.

социальных сетях и приравненных к ним сервисах, право на переносимость в социальных сетях и эквивалентных сервисах, право на электронное завещание.

Закон содержит поощрения доступа в Интернет в целях: а) преодоления цифрового неравенства и обеспечение доступа к Интернету для уязвимых групп или лиц с особыми потребностями, а также для экономически неблагополучных семей и социальных слоев посредством, среди прочего, социальных ваучеров на доступ к Интернету; б) содействия созданию мест общественного доступа к сетям связи; в) содействия принятию образовательных мер, способствующих обучению базовым цифровым навыкам и компетенциям для отдельных лиц и групп, подверженных риску цифровой изоляции, а также способности всех лиц самостоятельно и ответственно использовать Интернет и цифровые технологии (статья 97)[188]. Одновременно в Испании в 2021 году принята Хартия цифровых прав, разрешающая проблемы адаптации «традиционных» прав человека в цифровой среде[189].

В странах СНГ выявлена общая тенденция разработки и принятия Цифровых (Информационных) кодексов. В Республике Узбекистан Информационный кодекс в 2022 году был вынесен на публичное обсуждение[190], в Казахстане 9 января 2026 г. принят Цифровой кодекс[191], а в Республике Кыргызстан – 31 июля 2025 г.[192]. Представляется подобным зарубежный опыт полезным при систематизации законодательства в информационной сфере и разработки Цифрового (Информационного) кодекса Российской Федерации, работу над которым ведет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры) Российской Федерации[193].

---

[188] Carta de derechos digitales URL: https://www.boe.es/eli/es/lo/2018/12/05/3 (дата обращения: 17.03.2025).

[189] Carta de derechos digitales. URL: https://www.lamoncloa. gob.es/president/actividades /Documents/2021/140721Carta_Derechos_Digitales_RedEs.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

[190] Проект закона Республики Узбекистан «Об утверждении Информационного кодекса Республики Узбекистан id-72848 // regulation.gov.uz. URL: https://regulation.gov.uz/oz/d/72848 (дата обращения: 06.04.2025).

[191] Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII «Цифровой кодекс Республики Казахстан». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38546537 (дата обращения: 17.08.2026).

[192] Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/230029914/edition/35412/ru?ysclid=msxez5u2e5828448002 (дата обращения: 17.08.2026).

[193] Более подробно в последующих параграфах.

На законодательном уровне в России можно встретить закрепление отдельных цифровых прав человека. Так, ст. 57 Закона о связи определяет Интернет в качестве универсальной услуги связи[194]. Федеральной закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет право на забвение в Интернете, то есть обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина (физического лица) прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя (статья 10. 3)[195].

При этом выполнение заявленного требования не подразумевает полного удаления спорных данных из открытого доступа: информация остается доступной при прямом обращении к конкретному сайту, где она опубликована, в том числе через поисковую систему, встроенную в этот сайт (если таковая имеется). Другими словами, пользователям придется приложить существенные усилия, чтобы получить полную информацию о лице. Такой подход обеспечивает баланс между правом на защиту частной жизни и правом общества на доступ к информации о человеке[196].

Данная норма закона была конкретизирована Федеральным законом от 22.06.2024 № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», согласно пояснительной записке законопроектом предлагается устранить существующий правовой пробел, когда обязанность прекратить в поисковой

[194] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.
[195] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
[196] Чурилов, А. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный) / А. Ю. Чурилов. – М.: Юстицинформ, 2024. С. 143.

системе выдачу сведений о сайтах - «зеркалах» возлагается исключительно на операторов поисковых систем, распространяющих рекламу, ориентированную на российских потребителей [197] . Соответственно, операторы поисковых систем, осуществляющие деятельность в российском сегменте сети Интернет, но прекратившие распространять рекламу, направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, не подпадают под названные требования Федерального закона.

Вносимые изменения позволили распространить обязанность по прекращению выдачи сведений о сайте - «зеркале» в поисковой выдаче на всех операторов поисковых систем безотносительно распространения ими рекламы для российских потребителей.

Предметом Федерального закона «О персональных данных» является обработка персональных данных, в том числе в сети Интернет[198].

В гражданском законодательстве прямо формализован термин «цифровые права» (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), однако мы, соглашаясь М. А. Рожковой, Э. В. Талапиной считаем, что в данном случае произошло смешение понятий. Закрепив «цифровые права» в гражданском законодательстве, «Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы»[199]. В данном случае, термин «цифровые права», закрепленный в Гражданском кодексе, необходимо рассматривать исключительно в качестве отраслевого[200].

В пояснительной записке к законопроекту говорилось: «проект вводит в гражданское законодательство базовое понятие «цифровое право» (вместо термина «токен», который изначально обозначает устройство для идентификации, а сейчас

---

[197] Законопроект № 537002-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/537002-8 (дата обращения: 08.01.2025).

[198] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[199] Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 134.

[200] Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. №10 (525). С. 7.

стал использоваться в IT-лексиконе для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности, предлагается отвечающее традициям российского права понятие «цифровое право»). Сущность «цифрового права», как новой юридической фикции, близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ)»[201].

При этом ст. 141.1 ГК РФ закрепляет, что цифровыми правами признаются права, во-первых, названные таковыми законом обязательные и иные права, во-вторых, содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. По мнению Л. Ю. Василевской, «нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей юридической природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.) ... цифровые права – это не новые права, а лишь способ их фиксации»[202].

Во исполнение ст. 141.1 ГК РФ приняты Федеральный закон от «02» августа 2019 г. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[203], Федеральный закон от «31» июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[204].

В целях преодоления терминологической путаницы Э. В. Талапина предлагает цифровые права использовать только в понимании, закрепленного в

---

[201] Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7?ysclid=m81tyj0rvn693416780 (дата обращения: 09.03.2025).
[202] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 113.
[203] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.
[204] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5018.

Гражданском кодексе. Для публично-правовой науки ученый вводит термин «двоичные (бинарные) права», который «подчеркивает связь с цифровой передачей информации (binary), а также через игру слов оттеняет двойственность существования прав человека — как online, так и offline»[205]. В исследовании мы исключительно исходим из понимания цифровых прав, сложившимся в доктрине публичного права.

Подведем итоги по параграфу.

1. Сегодня мы видим прямое и косвенное (посредством судебной практики) признание цифровых прав человека на всех уровнях правового регулирования.

2. Принимая во внимание трансграничный характер информационно – коммуникационной сети Интернет, увеличение объема и скорости распространения информации с использованием цифровых технологий, а также учитывая общие цели применения, использования цифровых технологий, закрепленных в международных правовых актах разных международных организаций (интеграционных объединений) одинаковых целей применения цифровых технологий (преодоление цифрового неравенства, обеспечение реализации права на доступ к цифровым технологий, свободы выражения мнения в цифровой среде, конфиденциальность персональных данных, безопасное использование цифровых технологий с возможностью проверки пользователем алгоритма работы технологии), считаем целесообразным на универсальном или региональном уровнях разработать международный правовой акт рекомендательного характера (soft law), закрепляющего цифровые права человека, международно-правовой механизм их охраны (защиты).

3. Закрепление отдельных цифровых прав в Конституции Российской Федерации не представляется возможным. Полагаем, что цифровые права могут защищаться в конкретной правоприменительной ситуации путем широкого толкования органом конституционного контроля таких традиционных прав, как право на свободу информации (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации),

---

[205] Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 134.

право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации), право на объединение (ст. 30 Конституции Российской Федерации) и других основных прав.

Одновременно возрастающая роль цифровых технологий возлагает на органы публичной власти новые обязанности. В связи с чем представляется целесообразным добавить ст. 23 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» пунктом 3.1 в следующей редакции: «3.1) осуществляет меры по обеспечению свободного доступа к информационным и коммуникационным технологиям и услугам, включая связь и сеть Интернет; государственной поддержки развития информационно-коммуникативных и цифровых технологий».

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

2.1. Гарантии реализации цифровых прав

В юридической науке существуют разные подходы к пониманию терминов «реализация прав человека», «механизм реализации прав человека», «механизм защиты прав человека», «механизм обеспечения прав человека».

Так, С. С. Алексеев под реализацией прав человека понимает «конкретное поведение человека и обязанных лиц, направленное на претворение норм права в жизнь»[206]. К. К. Гасанов определяет реализацию прав как «процесс материализации содержания субъективного права»[207].

Соглашаясь с В. А. Лебедевым, определим реализацию прав как «деятельность человека, направленную на практическое использование предусмотренных правовыми нормами возможностей, в результате чего такой индивид получает разнообразные материальные, духовные и иные блага для удовлетворения прежде всего личных и в известной мере общественных интересов и потребностей»[208].

Механизм реализации позволяет перевести права и свободы из абстрактных возможностей, закрепленных в законах, в реальные блага, доступные каждому человеку. Это обеспечивает не только провозглашение прав, но и их практическое применение в повседневной жизни[209].

А. Н. Мочалов, Н. Е. Колобаева, С. Э. Несмеянова сводят механизм реализации прав к «законодательно установленному набору гарантий,

---

[206] Алексеев С.С. 1966. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит. С. 93.
[207] Гасанов К.К. 2004. Конституционный механизм основных прав человека: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. С. 185.
[208] Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). Москва: Изд-во Моск. ун-та. 2005. С. 143.
[209] Крылатова И. Ю. Механизм реализации и механизм защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 211.

обеспечиваемых государством для достижения любым субъектом, осуществляющим данное субъективное право, желаемого результата от его осуществления»[210].

При этом В. А. Лебедев разграничивает понятия механизм реализации прав человека и механизм обеспечения прав человека: «если первое отражает юридическую практику движения естественных правообязанностей человека к своим целям, то второе – практику функционирования этого механизма, который специально предназначен для гарантирования процесса воплощения их в жизнь»[211].

Как видим, особое место в механизме реализации прав человека занимают гарантии «как условия, средства, меры, направленные на обеспечение практического осуществления, охрану и защиту прав человека»[212]. Главная задача гарантий заключается в том, чтобы обеспечить выполнение государством своих обязательств в области реализации прав граждан. Действительность прав и свобод проявляется через действенность их гарантий[213]. Основная функция гарантий заключается в исполнении государством обязательств в сфере реализации конституционных прав и свобод личности[214]. В науке нет и единого мнения по поводу классификации гарантий прав человека. В зависимости от их содержания выделяют экономические, политические, организационные, идеологические, юридические[215].

В этой связи само по себе закрепление в п.3 ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации в качестве полномочия Правительства по обеспечению государственной поддержки развития информационно-коммуникативных и цифровых технологий, а в ст. 71 «обеспечение свободного доступа к

---

[210] Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Право на доступ в Интернет: юридическое содержание и механизм реализации // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 154.
[211] Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). Москва: Изд-во Моск. ун-та. 2005. С. 143.
[212] Основы государства и права: Учеб. пособие для поступающих в юридические вузы / Под ред. академика О.Е. Кутафина. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 59.
[213] Комкова Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. № 3 (39), 2016. С. 33.
[214] Нарутто, С. В., Колмаков С. Ю. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие / под ред. С.В. Нарутто. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 80.
[215] Уваров А. А. Конституционные основы обеспечения прав человека в Российской Федерации // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 180.

информационным и коммуникационным технологиям, и услугам, включая связь и сеть Интернет», может рассматриваться в качестве юридической гарантии цифровых прав.

Как мы уже говорили во втором параграфе, системообразующим цифровым правом является право на доступ в Интернет. Особенность юридического содержания данного права, а именно сочетание негативных и позитивных обязательств государств, позволяет ученым выделить также позитивные и негативные гарантии реализации права на доступ в Интернет[216].

Негативные гарантии права на доступ в Интернет включают запрет на ограничение доступа к интернету, недопустимость массовых отключений сети, чрезмерной фильтрации контента и блокировки сайтов за пределами установленных международным правом рамок, а также защиту пользователей от политически мотивированного преследования за высказывания в сети. Эти принципы восходят к доктрине свободного потока информации (free flow), которая рассматривала свободный трансграничный обмен информацией как инструмент противодействия государственной пропаганде [217] . Согласно этой концепции, свободное обращение разнообразной информации должно было нейтрализовать пропагандистские нарративы, создавая условия для естественного вытеснения односторонних идеологических воздействий за счет многообразия доступных точек зрения[218].

Практическая ценность концепции свободного информационного потока (free flow) изначально заключалась в противодействии ограничениям, введённым некоторыми государствами на зарубежное радиовещание в военный период. Именно поэтому данные принципы часто отвергаются странами, не принимающими эту доктрину. Яркими примерами такого неприятия служат: целенаправленные отключения интернета или искусственное снижение скорости

[216] Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации. DOI 10.17506/26867206_20 21_21_4_135 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 135- 163.
[217] Там же. С. 139.
[218] Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. 2011. vol. 38. P. 34.

соединения (особенно распространённое в ряде африканских государств во время выборов или массовых протестов), жёсткая цензура онлайн-контента с блокировкой зарубежных платформ, а также уголовное преследование интернет-активистов, что характерно для Китая, Ирана и некоторых арабских стран[219].

Основные принципы доктрины free flow закреплены в Всеобщей декларации прав человека[220]. Так, статья 19 содержит три принципа данной доктрины. Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их (первый принцип); это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи (второй принцип) любыми средствами и независимо от государственных границ (третий принцип)[221].

В Докладе Специального докладчика ООН Франка Ла Рю от 16 мая 2011 года (A/HRC/17/27) негативные гарантии права на доступ в Интернет раскрываются через призму обязательств государств воздерживаться от: произвольных ограничений доступа к интернету, необоснованных блокировок или фильтрации контента, массового наблюдения за пользователями без законных оснований, криминализации законного онлайн-выражения мнений. Доклад особо подчеркивает, что отключение интернета должно рассматриваться как крайняя мера, ограничения допустимы только при строгом соблюдении принципов законности, необходимости и соразмерности, блокировка контента допустима исключительно в соответствии с международными стандартами прав человека. Специальный докладчик указывает, что подобные негативные гарантии вытекают из фундаментального характера интернета как средства реализации права на свободу выражения мнений (п. 20-22 Доклада)[222].

---

[219] Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. 2011. vol. 38. P. 34.

[220] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995.

[221] Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. 2011. vol. 38. P. 34.

[222] Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. (A/HRC/17/27).

Далее перейдем к позитивным гарантиям реализации права на доступ в Интернет. Характер применения негативных гарантий преимущественно определяется типом политического режима и господствующей государственной идеологией, тогда как масштабы реализации позитивных гарантий главным образом зависят от двух ключевых факторов: экономических возможностей государства; уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры и степени её доступности через местных интернет-провайдеров[223].

В десятом пункте Окинавской хартии[224] подчеркивается, что достижение всеобщего доступа к Сети требует не только модернизации инфраструктуры в отстающих районах, но и создания дополнительных точек подключения на базе государственных учреждений. Отдельно отмечается приоритетность внедрения мобильных и простых в обращении технологий, а также адаптации сервисов для социально незащищенных слоев, людей с ограниченными возможностями и пожилых граждан через специализированные инициативы по подключению.

Эти идеи раскрываются в 21-м пункте Декларации принципов постоения информационного общества[225], где подчеркивается, что техническая база служит фундаментом цифрового общества, а государства обязаны в рамках национальных законов гарантировать наличие сопутствующих услуг – электричества и почты. В развитие данных норм План действий (пункт 16b) требует организовать сеть публичных точек доступа, которые будут предоставлять населению доступ в интернет и связь на бесплатной или льготной основе.

Совместная декларация «О свободе выражения мнений в Интернете» возлагает на государства обязательства: во-первых, по разработке правовых механизмов, способствующих расширению интернет-доступа, включая подключение социально незащищенных регионов; во-вторых, оказанию прямой поддержке для развития цифровой инфраструктуры, в том числе созданию

---

[223] Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Право на доступ в Интернет: юридическое содержание и механизм реализации. С. 156.

[224] Окинавская хартия Глобального информационного общества от 21.07.2000 // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (дата обращения: 25.03.2025).

[225] Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 25.03.2025).

общественных ИКТ-центров и точек коллективного доступа; в-третьих, проведения просветительских программ по цифровой грамотности для населения, в –четвертых, внедрение специальных мер, гарантирующих равные возможности для людей с инвалидностью и уязвимых групп[226].

В России государством взяты обязательства повышения доступности Интернета. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О связи» (далее-Закон о связи) в Российской Федерации гарантируется оказание универсальных услуг связи, в том числе посредством оказания услуг по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», оказываемые с использованием точек доступа.

Порядок и сроки начала оказания универсальных услуг связи устанавливается Правительством исходя из следующих принципов: в населенных пунктах с населением от ста до тысячи человек, в которых не оказываются услуги по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», должна быть установлена не менее чем одна точка доступа для оказания услуг по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; в населенных пунктах, в которых не оказываются услуги по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и (или) не оказываются услуги подвижной радиотелефонной связи и которые включены в перечень, определяемый Правительством Российской Федерации, должны быть установлены не менее чем одна точка доступа для оказания услуг по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и (или) не менее чем одна точка доступа для оказания услуг подвижной радиотелефонной связи; точка доступа с учетом положений настоящей статьи должна подключаться с использованием волоконно-оптической линии связи и

[226] Совместная декларация о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде // OSCE = ОБСЕ: официальный интернет-сайт. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf (дата обращения: 06.01.2024).

обеспечивать возможность передачи данных на пользовательское оборудование со скоростью не менее чем десять мегабит в секунду[227].

К числу гарантий можно отнести и нормы Закона, внесенные в него в 2019 г. в отдельную главу 7.1 «Обеспечение устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Целью введения новых норм было предупреждение угрозы информационной изоляции России путем прекращения доступа к сети Интернет. Для обеспечения информационной безопасности в этой части были установлены отдельные правила для подключения к сетям связи, пересекающим Государственную границу Российской Федерации, и установлены специальные обязанности для операторов связи, работающими с такими сетями.

Кроме того, установлена обязанность органов государственной власти обеспечивать наличие в своих помещениях устройств для свободного доступа к сайтам органов власти. То есть речь идет лишь о гарантии доступа к размещенной в Интернете информации о деятельности органов государственной власти, но не к сети [228] . При наличии необходимых материальных средств в помещениях федерального органа исполнительной власти рекомендуется устанавливать персональные компьютеры либо планшетное устройство с доступом к официальному сайту федерального органа исполнительной власти [229] . Требования к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им организаций устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти[230].

---

[227] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.

[228] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации.2009, N 7, ст. 776.

[229] Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-П36-89пр).

[230] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.

Аналогичные нормы позитивных обязательств государства по обеспечению доступа в Интернет закреплены в законодательстве ряда зарубежных государств. Например, в «Акте об электронных коммуникациях» Эстонии определяет понятие услуги доступа в Интернет как «общедоступной услуги электронной связи, которая обеспечивает доступ к Интернету и к конечным точкам, подключенным к Интернету через нее, независимо от используемой сетевой технологии или конечного устройства»[231].

Одним из центральных вопросов в системе реализации позитивных гарантий доступа в Интернет занимает проблема финансирования соответствующих мер. Увеличение доли домохозяйств с доступом в Интернет, создание низкоорбитальной спутниковой группировки для широкополосного доступа к Интернету и сети вышек 5G в городах с населением более 1 млн и в столицах всех регионов к 2030 году – цель проекта «Инфраструктура доступа в Интернет» национального проекта «Экономика данных»[232], а Стратегия развития отрасли связи на период 2035 года определила цель обеспечение возможности широкополосного доступа к сети «Интернет» для всех домохозяйств и социально значимых объектов в Российской Федерации[233]. Реализация Стратегии и достижение целевых значений показателей развития отрасли связи будут осуществляться за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации[234]. Общий бюджет обеспечения доступа в Интернет оценивается почти в 287 млрд рублей, 9 млрд из которых планируется привлечь из федерального бюджета, а около 278 млрд – из внебюджетных источников[235].

Законодательное закрепление позитивных гарантий обеспечения доступа к Интернету совершенствуется. В 2019 году в Закон об информации, Закон о связи

---

[231] Elektroonilise side seadus (lühend - ESS) // Riigi Teataja URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/120122022010?leiaKehtiv (дата обращения: 16.03.2025).

[232] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[233] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 N 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023 № 50, Ст. 9094.

[234] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 N 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023 № 50, Ст. 9094.

[235] На развитие домашнего интернета в РФ могут потратить 287 млрд рублей // Известия. URL: https://iz.ru/1766875/2024-09-30/na-razvitie-domashnego-interneta-v-rf-mogut-potratit-287-mlrd-rublei (дата обращения: 25.03.2025).

были внесены изменения, как указано в пояснительной записке к законопроекту «с учетом агрессивного характера принятой в сентябре 2018 года Стратегии национальной кибербезопасности США»[236].

Законопроект направлен на формирование инфраструктуры, гарантирующей функционирование российских интернет-ресурсов при возникновении обстоятельств, исключающих возможность подключения отечественных операторов связи к иностранным корневым серверам глобальной сети.

Так, во-первых, возглавляет обязанности на оператора связи, предоставляющие услуги доступа в сеть Интернет: обеспечивать установку в своей сети связи технических средств противодействия угрозам на средствах связи, обеспечивающих передачу данных со скоростью более чем десять гигабит в секунду (ч. 5.1 ст. 46 Закона о связи), обеспечить пропуск трафика на присоединенную сеть связи через технические средства противодействия угрозам (ч. 5.2 ст. 46 Закона о связи)[237]. Во-вторых, Закон об информации дополнен статьей 14.2, которая регламентирует порядок развертывания на территории Российской Федерации национальной системы доменных имен, включая создание отечественных корневых серверов как технических средств хранения сведений о сайтах[238]. Так создается национальная система технических средств хранения информации, которая позволит российскому сегменту сети Интернет продолжать работу после возможного отключения России от корневых серверов на территории других государств[239].

Создание централизованного управления Интернетом, с одной стороны, обеспечивает безопасность государства в цифровом пространстве, с другой, может нарушать негативные гарантии прав человека, создать дополнительные формы контроля за деятельностью человека в сети Интернет, что, по мнению,

---

[236] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2025).
[237] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.
[238] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
[239] Нечкин А.В., Истомин М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети Интернет на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 101.

А. В. Нечкина, М. А. Истомина требует разработки механизмов участия гражданского общества в управлении сетью Интернет, например, общественно-консультативного совета, состоящего из представителей институтов гражданского общества[240].

Право на доступ в Интернет тесно взаимосвязано с двумя другими цифровыми правами: правом на защиту персональных данных и правом на забвение. Эти правовые институты образуют единый комплекс гарантий цифровой автономии личности, где: доступ в Интернет создает техническую возможность реализации цифровых прав; защита персональных данных обеспечивает безопасность онлайн-присутствия; право на забвение позволяет контролировать цифровую историю личности. Такая взаимосвязь отражает эволюцию цифровых прав - от простого доступа к информации до сложных механизмов защиты персонального цифрового пространства. Право на забвение традиционно рассматривается как элемент личного контроля за персональными данными, а также как одно из позитивных обязательств по их охране.[241].

Гарантией реализации права на забвение является, закрепленная в ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина (физического лица) прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя[242].

Однако современные цифровые технологии создают фундаментальную проблему невозможности полного удаления информации из Интернета. Попав в сеть, данные начинают бесконтрольно распространяться, копироваться и

---

[240] Нечкин А.В., Истомин М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети Интернет на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 102.
[241] Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 692.
[242] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

сохраняться на множестве серверов, приобретая характер «цифрового бессмертия». Действующий механизм реализации права на забвение, предусматривающий лишь удаление ссылок из поисковых систем, носит поверхностный характер. Хотя такая процедура делает информацию менее доступной для обычных пользователей, сами данные остаются в сети и могут быть найдены другими способами. Это создает принципиальное противоречие между юридическими гарантиями права на забвение и технологическими возможностями их реального обеспечения в условиях современной цифровой среды, где информация обретает свойство нестираемости[243].

Мы уже неоднократно говорили, что право на доступ в Интернет является самостоятельным правом и одновременно гарантией реализации «традиционных» прав человека в цифровой среде[244].

При этом российское законодательство активно развивается в сторону предоставления гарантий реализации прав человека как в традиционной форме, так и путем использования сети Интернет. Например, ст. 64.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепляет возможность по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума проводить дистанционное электронное голосование[245].

Тенденция цифровизации избирательного процесса прослеживается в Законопроекте №840518-8, закрепляющий дефиницию «электронное голосование», под которым понимает голосование на избирательном участке с использованием комплекса для электронного голосования [246] . Законопроект предоставляет избирательной комиссии соответствующего уровня право решать в

---

[243] Варламова Н.В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. М., 2024. С. 692.

[244] Костенков К.А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека. Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 31.

[245] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // 2002. № 24. Ст. 2253.

[246] Законопроект № 840518-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по вопросам совершенствования избирательного законодательства) // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/840518-8 (дата обращения: 15.02.2025).

какой форме проводить голосование: традиционной, с использованием печатного бюллетеня или с использованием комплекса для электронного голосования.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращения граждан в Российской Федерации» предусматривает возможность реализации права на обращение в электронной форме[247]. В Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» имеется возможность оказания муниципальной или государственной услуги в традиционной или электронной формах[248]. В соответствии с п. 2 ст. 31 Федерального законом «О воинской обязанности и военной службе» (редакция пункта от 14.04.2023) повестка направляется гражданам, подлежащим призыву на военную службу, в письменной форме, дублируется в электронной форме. Повестка в электронной форме направляется гражданину, подлежащему призыву на военную службу, в порядке и способами, которые установлены Правительством Российской Федерации, и считается врученной с момента ее размещения в личном кабинете гражданина на соответствующем информационном ресурсе, в информационной системе[249].

По глубокому убеждению автора, реализация прав человека посредством сети Интернет в целях недопущения негативных рисков цифровизации должна носить дополнительный, субсидиарный характер. Одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы является сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг[250].

Применительно к избирательному процессу Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 15.04.2014 № 11-П, с одной стороны, отметил, что нацеленное на достижение всеобщности избирательного права разумное увеличение доступных видов электоральных практик способствует росту

---

[247] Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

[248] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[249] Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

[250] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

числа граждан, принявших участие в голосовании, повышению гражданской активности, при этом особо указал, что для обеспечения подлинности и справедливости избирательного процесса и его результатов должны быть гарантированы надежность и эффективность субсидиарных механизмов, применяемых для организации голосования, соблюдение принципов свободных выборов и адекватное отображение волеизъявления избирателей, реализующих в процессе выборов свое право на участие в управлении делами государства[251].

Практика органов конституционного контроля зарубежных стран более сдержано подходит к применению систем электронного голосования на выборах. Конституционный суд Федеративной Республики Германии в решении от 3 марта 2009 года установил несоответствие Постановления об использовании машин для голосования на выборах Бундестаг ст. ст. 20.1, 20.2 и 38 Основного закона. Основные мотивы принятия решения сводились к тому, что при использовании электронных машин для голосования у гражданина должна быть возможность достоверно и без специальной экспертизы проверить этапы избирательного процесса и правильность определение результатов голосование. Поскольку электронные машины для голосования не предусматривают такой возможности, их использование в избирательном процессе нарушает принцип публичного характера выборов, закрепленный в ст. 38 Основного закона, который в системном толковании со ст. ст. 20.1, 20.2 предполагает общественный контроль за всей процедурой голосования и одновременное соблюдение принципа тайного волеизъявления[252].

Представляется целесообразным закрепление права на цифровую неприкосновенность (право быть офлайн) через поправки в Федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», «Об организации предоставления государственных и

[251] Костенков К. А. Цифровые технологии в избирательном процессе: доверие граждан и достоверность результатов // Образование и право. 2023. №11. С. 63.
[252] Костенков К. А. Цифровые технологии в избирательном процессе: доверие граждан и достоверность результатов // Образование и право. 2023. №11. С. 63.

муниципальных услуг», «О воинской обязанности и военной службе» и др. Суть изменений - гарантировать, что цифровизация не станет обязательным условием реализации прав. Это означает сохранение нецифровых способов взаимодействия с государством, защиту от принудительного использования технологий и обеспечение традиционных механизмов доступа к правам.

Следующей особенностью механизма реализации цифровых прав состоит в участии в их реализации не столько государства, сколько крупных организаций: операторов связи, провайдеров, хостинг компании, владельцев поисковых систем[253]. Такой субъектный состав правоотношений в сети Интернет заставляет задуматься об ответственности бизнеса в области прав человека. В отличие от государств, на коммерческие организации не возложена прямая обязанность по защите прав человека. Как отмечает В. А. Виноградов, поскольку главной целью IT-корпораций является максимизация прибыли, это создает потенциальную угрозу для цифровых прав человека[254]. По меткому утверждению Э. В. Талапиной «ответственность бизнеса за соблюдение прав человека хоть и считается социально ожидаемой, но остается в значительной степени добровольной, если только она не воплощена в нормативных требованиях»[255].

Международно-правовой документ, закрепляющий возможные механизмы воздействия государства на бизнес в целях охраны (защиты) прав человека являются Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН 2011 года, которые возлагают на государства обязанность предпринимать дополнительные шаги по защите от нарушений прав человека со стороны предприятий, которые находятся в собственности государства или контролируются им либо пользуются существенной поддержкой и услугами государственных агентств, например по кредитованию экспорта и государственному страхованию или гарантированию инвестиций, в том числе,

[253] Костенков К.А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека. Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 30.
[254] Виноградов В.А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. 2024. N 9. С. 72.
[255] Талапина Э. В. Зашита персональных данных: нюансы европейской модели // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С.42.

при необходимости, путем установления требования о соблюдении принципа должной заботы о правах человека (п.4). Государствам следует поощрять соблюдение прав человека предприятиями, с которыми они осуществляют коммерческие сделки (п.6)[256].

Важно, что сами предприятия должны проявлять «должную осмотрительность» в области прав человека, налагать ответственность за нарушение прав человека, представлять средства правовой защиты[257].

Согласно пункту 17 Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека, компании обязаны проводить комплексную процедуру должной осмотрительности в области прав человека. Эта процедура направлена на выявление, предупреждение, минимизацию и прозрачную отчетность о мерах по устранению негативного воздействия на права человека.

Процесс должной осмотрительности должен включать: анализ реальных и потенциальных последствий деятельности компании для прав человека; принятие решений на основе проведенной оценки; реализацию соответствующих корректирующих мер; мониторинг эффективности принятых решений; публичную отчетность о предпринятых действиях.

Сфера применения должной осмотрительности, во-первых, распространяется на негативное воздействие, которое: компания оказывает непосредственно, может способствовать такому воздействию, может быть связано с ее деятельностью, продукцией или услугами через деловые партнерства; во- вторых, масштаб процедуры определяется: размером предприятия, уровнем риска серьезных нарушений прав человека, спецификой и условиями деятельности компании; в-третьих, является непрерывным процессом, поскольку: риски в области прав человека могут изменяться, меняются формы и условия ведения бизнеса[258].

---

[256] Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях, и других предприятиях Джона Ругги от 21 марта 2011 г. // Совет по правам человека. Семнадцатая сессия. Пункт 3 повестки дня Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие.

[257] Костенков К.А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека. Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 31.

[258] Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях, и других предприятиях Джона Ругги от 21 марта 2011 г. // Совет по правам человека. Семнадцатая

Безусловно, такие обязанности возлагаются на компании, чья деятельность напрямую влияет на реализацию цифровых прав человека[259]. Это касается, в первую очередь, организаций, управляющих онлайн-платформами, предоставляющих интернет-услуги, а также разрабатывающих продукты с использованием технологий искусственного интеллекта.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение и защита прав человека в контексте цифровых технологий», принятая 19 декабря 2023 года, призывает бизнес-сектор учитывать соблюдение прав человека на всех стадиях существования цифровых продуктов – от разработки до внедрения и использования (пункт 6 Резолюции). Кроме того, документ обращается к онлайн-платформам, включая компании, работающие в сфере социальных медиа, с призывом пересмотреть свои бизнес-модели и гарантировать, что их процессы проектирования, разработки, коммерческой деятельности, а также методы сбора и обработки данных соответствуют Руководящим принципам предпринимательства в области прав человека (пункт 7 Резолюции)[260].

На региональном уровне принят, в частности, Модельный закон СНГ «Об основах регулирования Интернета» возлагает на операторов услуг Интернета разработку предложений, принципов и инструментария для заинтересованных сторон по вопросам регулирования отношений, связанных с использованием Интернета; участие в разработке государственной политики, проектов нормативных правовых актов в сфере использования Интернета; участие в разработке стандартов, применяемых при развитии Интернета[261].

Некоторые страны приняли законы, требующие от компаний оценки рисков для прав человека на всех этапах их деятельности. Например, в 2017 году Франция

сессия. Пункт 3 повестки дня Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие.

[259] Костенков К. А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека. Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 31.

[260] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от «22» декабря 2023 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: https://digitallibrary.un.org/record/4032837/files/A_RES_78_213-RU.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

[261] Модельный закон «Об основах регулирования Интернета» Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств, Приложение к постановлению МПА СНГ от 16.05.2011 г. № 36-9 // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/international/docs/mpa_modzakon.php (дата обращения: 06.04.2025).

первой приняла закон, обязывающий крупные транснациональные корпорации, работающие на ее территории, соблюдать принципы должной осмотрительности в сфере прав человека в своих глобальных операциях.

Под действие закона попадают компании, в которых трудятся 5000 сотрудников во Франции или 10 000 сотрудников по всему миру (включая Францию). Они обязаны выявлять, предотвращать и минимизировать нарушения прав человека, основных свобод, а также угрозы безопасности людей и окружающей среды, а также публично отчитываться о принятых мерах.

Согласно закону, компании должны ежегодно публиковать план проверки, включающий пять ключевых направлений: анализ и оценку рисков с определением их приоритетности; регулярный аудит поставщиков, подрядчиков и дочерних предприятий; разработку мер по снижению или предотвращению серьезного вреда; создание механизмов оповещения и подачи жалоб о рисках, разработанных совместно с профсоюзами; внедрение системы мониторинга эффективности принятых мер[262].

В Германии аналогичный закон «Об обязанности проявлять заботу в организации поставок» (Lieferkettensorgfaltspflichtengesetz), вступивший в силу с 1 января 2021 году[263].

Кроме того, судебной практикой Межамериканского суда по правам человека был сформирован правовой подход, согласно которому транснациональные компании обязаны принимать меры для защиты иностранных граждан, пострадавших от их деятельности, например, внедрять механизмы экспортного контроля[264].

В 2017 году в Италии Комиссия по правам человека рассмотрела вопрос, связанный с экспортом цифровых продуктов, производимых частными компаниями. Комиссия выразила обеспокоенность в связи с заявлениями о том, что

---

[262] Devoir de Vigilance (Закон об обязанности проявлять должную осмотрительность) // EcoVadis URL: https://ecovadis.com/ru/regulations/devoir-de-vigilance-duty-of-care-law/ (дата обращения: 08.01.2025).

[263] New German Law on Duty of Care in Supply Chain Organization enters into force on 1 January 2023 // Noerr URL: https://www.noerr.com/en/insights/new-german-law-on-duty-of-care-in-supply-chain-organization-enters-into-force-on-1-january-2023 (дата обращения: 08.01.2025).

[264] Shany Y. Digital Rights and the Outer Limits of International Human Rights Law // German Law Journal. 2023. № 24. P. 469.

компании, зарегистрированные в государстве-участнике, поставляют оборудование для онлайн-слежения правительствам, известным систематическими нарушениями прав человека, а также отсутствием правовых гарантий или механизмов контроля за экспортом такой продукции. В связи с этим Комиссия рекомендовала «принять меры для обеспечения того, чтобы все корпорации, находящиеся под юрисдикцией государства, особенно технологические компании, соблюдали стандарты в области прав человека при ведении деятельности за границей»[265]. Проблема экспортного контроля в отношении технологий слежения также была поднята Специальным докладчиком ООН по вопросу о свободе выражения мнений. Он отметил негативные последствия использования правительствами шпионского программного обеспечения для подавления политического самовыражения и призвал ввести мораторий на экспорт подобных технологий[266].

Представляется, что закрепления правовых механизмов ответственности бизнеса в области охраны прав человека в российском внутреннем законодательстве будет являться дополнительной гарантией цифровых прав человека. Солидарны с позицией Э. В. Талапиной, согласно которой эффективность защиты прав человека во многом определяется тем, насколько бизнес поддерживает саму идею такой защиты – будь она добровольной или обязательной. Ключевым моментом является принятие бизнесом надлежащей защиты как механизма, который требует пересмотра подходов к принятию решений и реального, а не формального соблюдения стандартов в области прав человека[267].

Подведем итоги по данному параграфу.

1. Механизм обеспечения цифровых прав человека обладает существенной спецификой. В первую очередь, ответственность за их реализацию лежит не только

---

[265] Best practices for effective export control enforcement. URL: https://www.wassenaar.org/app/uploads/2019/consolidated/Best-Practices-for-Effective-Export-Control-Enforcement.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

[266] Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g19/148/76/pdf/g1914876.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

[267] Талапина Э. В. Зашита персональных данных: нюансы европейской модели // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С.42.

на государстве, но и на коммерческих организациях, чья деятельность непосредственно влияет на цифровые права пользователей. Речь идет прежде всего о компаниях, управляющих онлайн-платформами, предоставляющих интернет-услуги и разрабатывающих решения на основе искусственного интеллекта.

Деятельность таких компаний должна основываться на принципе «должной осмотрительности» (due diligence) в части соблюдения прав человека. Однако, несмотря на закрепление данного принципа в международном праве и законодательстве некоторых стран, в российской правовой системе аналогичный механизм пока отсутствует. Это создает существенный пробел в регулировании, требующий скорейшего устранения путем разработки соответствующих правовых норм, которые бы установили четкие стандарты ответственности компаний за соблюдение прав пользователей.

2. Система гарантий цифровых прав человека представляет собой двуединый механизм, сочетающий как позитивные, так и негативные обязательства государства. С одной стороны, это предполагает установление четких границ государственного вмешательства через принципы невмешательства в частную жизнь, соразмерности и пропорциональности ограничений. С другой - требует от государства активных действий по созданию необходимых условий для реализации цифровых прав. Ключевыми направлениями такой позитивной деятельности становятся развитие телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечение конкурентной среды на рынке интернет-услуг для контроля ценовой доступности, а также формирование правовых механизмов, возлагающих на бизнес ответственность за соблюдение фундаментальных цифровых прав - от обеспечения доступа в сеть до защиты персональных данных и реализации права на забвение. Такой комплексный подход отражает современные представления о балансе между ограничительной и созидательной ролью государства в цифровую эпоху.

3. Мы предлагаем законодательную формализацию права на цифровую неприкосновенность (право быть офлайн), внеся соответствующие изменения в Федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О порядке рассмотрения

обращений граждан в Российской Федерации», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», «О воинской обязанности и военной службе» и др. Суть предлагаемых изменений состоит в установлении правовой нормы, согласно которой использование цифровых технологий при реализации прав граждан не должно приводить к ситуации, когда осуществление этих прав становится невозможным без применения информационно-коммуникационных технологий. Это предполагает сохранение и гарантирование традиционных, нецифровых способов реализации прав человека, защиту граждан от принудительной цифровизации как обязательного условия доступа к своим правам и сохранение альтернативных механизмов взаимодействия с государственными органами.

2.2. Ограничения цифровых прав человека

В первом параграфе настоящей главы мы отмечали, что реализация прав человека представляет собой практическое воплощение человеком закрепленных правовыми нормами возможность. Между тем, признание, соблюдение и защита конституционных прав - обязанность государства, которое своими позитивными действиями должно установить строгие границы воплощения субъективных прав в жизнь во избежание нарушения аналогичных прав третьих лиц [268]. И. Ю. Остапович, А. В. Нечкин отмечают, что исследуемое в науке право на доступ в Интернет «не всякий человек может реализовать по объективным техническим причинам, а если оно и реализуется технически, то зачастую ограничивается государством посредством цензуры или запретов»[269].

В научных публикациях обычно указывается на два основных признака ограничения права (или свободы):

- ограничение – это всегда установленный предел свободе человека, рамки, границы его поведения, его прав и свобод;

---

[268] Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения и баланса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2. С. 567.
[269] Там же. С. 467.

- ограничение устанавливается в определенных целях.

Б. С. Эбзеев дает следующее определение ограничений основных прав в конституционно-правовом смысле – это «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина» и, «кроме того, в качестве ограничения основных прав может также рассматриваться изъятие из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод»[270]. А. А. Понмарев определяет ограничение конституционных прав человека и гражданина как установленные федеральными законами в конституционных целях границы, рамки, пределы реализации человеком (гражданином) его прав и свобод, соразмерные этим целям[271].

Важнейшим признаком ограничения права является его цель (цели). «Любое ограничение прав человека, – пишет Н. В. Варламова, – должно преследовать легитимную цель» [272] . Цели ограничений конституционных прав человека и гражданина, как отмечает А. В. Малько, установлены Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации[273].

Часть 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены ... *в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства*.

При этом, часть ученых (Л. А. Морозова) говорит в данном случае о сочетании частных и публичных интересов в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Другие (О. Е. Кутафин, И. Н. Кондрат), напротив, утверждают, что

---

[270] Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2013. С. 191.
[271] Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 9.
[272] Чиркин В. Е. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование. Москва, 2011. С. 131.
[273] Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2003. С. 103-104.

абсолютно все обозначенные в данной норме цели в своей сущности и по замыслу законодателя являются публичными [274] , подкрепляя свое мнение анализом обозначенных в Уголовном кодексе Российской Федерации объектов преступлений.

Одновременно ч. 3 ст. 55 допускает ограничение прав человека только на основании федерального закона. При этом ст. 9 Закона об информации в редакции от августа 2024 г. уже закрепляет, что доступ к информации может быть ограничен не только законом, *но и актами Президента* (цели ограничения в ч. 3 ст. 55 Конституции и в ст. 9 Закона об информации совпадают)[275], а п. 5.1 ч. 1 ст. 51.3 Закона об информации запрещает распространять информацию, содержащую сведения, распространение которых ограничено *актами Президента Российской Федерации*[276].

Право на информацию – основное, конституционно признанное право человека (ст. 29 Конституции). Комментарий к Конституции под общей редакцией В. Д. Зорькина, разъясняя положения ч. 3 ст. 55, недвусмысленно указывает: «определение границ допустимого ограничения основных прав и свобод в силу содержащейся в Конституции отсылки к федеральному закону относится к полномочиям федерального законодателя»[277]. Конституционные права и свободы могут ограничиваться исключительно федеральным законом, так как именно закон, принятый представительным органом власти, проходит процедуру публичного обсуждения и обеспечивает баланс интересов личности, общества и государства. Подзаконные акты, не обладающие аналогичной легитимностью, не вправе вводить такие ограничения.

---

[274] Постатейный научно-практический комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. О. Е. Кутафина. Москва, 2003. С. 67; Кондрат И. Н. Ограничение прав и свобод личности: принципы, основания, пределы // Журнал «Законодательство». 2012. № 12. С. 76.

[275] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

[276] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

[277] Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина - 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 506.

Кроме Конституции Российской Федерации (ч.3 ст. 55), Модельный Информационный кодекс для государств-участников СНГ допускает ограничение права на информацию только на основании закона (статья 5)[278].

В этой связи вызывает сомнение положение ст. 9 Закона об информации, допускающее ограничение доступа к информации актами Президента.

Помимо *оснований* ограничений прав человека (целей ограничения, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции) в конституционном тексте, и в практике Конституционного Суда Российской Федерации можно определить критерии ограничения прав человека. Из ч. 3 ст. 55 Конституции следует, что права человека могут быть ограничены федеральным законом «*в той мере, в какой это необходимо»* в целях достижения перечисленных в данной части публичных интересов.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 2003 года № 15-П изложил правовую позицию, в соответствии с которой «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; ... норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»[279].

Анализируя данную правовую позицию, В. В. Лапаева выделяет пределы ограничения прав человека с необходимостью, во-первых, обеспечить

---

[278] Модельный Информационный кодекс для государств - участников СНГ (часть первая) от 03 апреля 2008 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, № 42, 2008.

[279] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 N 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

соразмерность между ограничением прав человека и защищаемыми при этом конституционными ценностями, во-вторых, сохранить существо ограничиваемого права (то есть основное содержание соответствующих конституционных норм)[280].

По мнению В. Д. Зорькина, «ограничения не могут посягать на само существо права, в противном случае это будет не ограничение, а умаление, уничтожение прав и свобод, что несовместимо с достоинством человека как правового существа, ограничения должны устанавливаться законодателем не произвольно, а на основе Конституции, заложенных в ней принципов справедливости, равенства и соразмерности»[281].

А. В. Должиков условиями соблюдения принципа соразмерности называет, во-первых, пригодность, которая означает проверку принципиальной возможности достижения средством желаемой цели, во-вторых, минимальность, предполагающей наличие и выбор альтернативных средств, которые менее обременительны для основных прав; в-третьих, сбалансированность направленная на взвешивание конфликтующих индивидуальных и публичных ценностей по их важности и значению в конституционной системе[282].

В деле «Янковскис (Jankovskis) против Литвы», касающееся предоставлению заключенным права доступа к Интернету в целях получения образования, ЕСПЧ выделил следующие критерии ограничения права на доступ в Интернет. Во – первых, имело ли место ограничение прав человека. Во-вторых, было ли ограничение оправдано, то есть (1) было ли ограничение предусмотрено законом; (2) преследовало ли ограничение законную цель; (3) было ли ограничение «необходимом». При исследовании «необходимости» ограничения права на доступ в Интернет суд учел такие обстоятельства, как: желание заключенного получать доступ именно к сайту Министерства образования и науки с целью продолжения получения образования, а образование, в свою очередь, является важным

---

[280] Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 476.

[281] Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=20 (дата обращения: 30.03.2025).

[282] Должиков А.В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Тюмень, 2003. С. 7.

элементом реабилитации и последующей реинтеграции заключенного в общество; получения информации через сайт Министерства образования и науки является более быстрым и удобным способом в сравнении с направлением письменных запросов в конкретные учебные заведения; власти Литвы в данном деле сфокусировались на запрете доступа в Интернет как такового, не учтя роль Интернета в жизни человека, в частности, возможность получения определенной информации исключительно посредством доступа в Интернет[283].

На основании изложенного, учитывая критерии ограничения прав человека, закрепленные в конституционном тексте, в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации, ЕСПЧ, предлагаем изложить ч. 1 ст. 9 Закона об информации в следующей редакции: «ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в той мере , в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Полагаем, что в каждой конкретной ситуации ограничения цифровых прав правоприменителю, прежде всего суду, необходимо учитывать, во-первых, наличие ограничения в законе, во- вторых, преследует ли ограничение законную цель, в -третьих, обеспечение соразмерности между ограничениями прав человека и защищаемым публичным интересом, в-четвертых, сохранение существа ограничиваемого права.

В России и зарубежных государствах существуют базовые требования относительно распространения информации, носящих общий характер: государство в большинстве случаев ограничивается тем, что ставит барьеры для распространения вредной, заведомо ложной либо опасной для общества информации[284].

---

[283] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

[284] Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. С. 143.

Анализ изучения ограничений доступа в Интернет дает возможность классифицировать их по следующим критериям: во-первых, статус субъекта, во-вторых, цель вводимых ограничений, в –третьих, порядок ограничения.

1. Классификация ограничений в зависимости от статуса лица.

1. Особенности осуществления доступа к сети Интернет имеют подозреваемые и обвиняемые в совершении преступления. В случае избрания таких мер пресечения, как запрет определенных действий (105.1 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ)), залог (106 УПК РФ), домашний арест (107 УПК РФ) суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить запрет на использование средств связи и сеть «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

В преамбуле постановления Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» закреплено, что «ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей» [285] . Пункт 40 Постановления разъясняет, что «при возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать сеть «Интернет» суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением - если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения)»[286].

[285] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 2013. № 294.

[286] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 2013. № 294.

Как видим, Пленум не исходит из категоричного запрета доступа к Интернету. Понимая Интернет не просто как средство поручения, обмена, распространения информации. Учитывая возможность при помощи информационно-коммуникативной технологии получать медицинскую помощь, образование, осуществлять трудовую (служебную) деятельность, Пленум указывает на необходимость суду в каждой конкретной правоприменительной ситуации предусмотреть возможности доступа к Интернету.

В соответствии с приложением № 1 к Приказу Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» осужденные к лишению свободы имеют право при наличии технической возможности и при условии соблюдения настоящих Правил получать доступ к образовательным программам в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при получении осужденными к лишению свободы общего образования, профессионального образования и их профессиональном обучении. Одновременно осужденные могут иметь при себе технические устройства без функции аудио-, видеозаписи и видеовоспроизведения и функции выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»[287].

Интересно, что Верховный Суд Российской Федерации в решении № АПЛ22-115 от 12 мая 2022 г. отказал Ш. М. Гусейнову в удовлетворении административного искового заявления о признании не действующими пунктов 55, 58, приложения №1 Правил. Заявитель утверждал, что запрет на использование осужденным электронных носителей противоречит принципу состязательности и равноправия сторон в судебном процессе, поскольку ограничивает его право на получение правовой информации, в том числе в сети «Интернет». Однако, по

[287] Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 27.01.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 N 69157).

мнению суда, ограничение осужденного к доступу в Интернет не носит дискриминационного характера. Оспариваемые нормы обусловлены порядком исполнения и отбывания лишения свободы, который обеспечивает безопасность осужденных, персонала, иных лиц, посещающих исправительное учреждение, соблюдение прав осужденных, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, включая исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, в том числе с использованием сети «Интернет» и средств мобильной связи и коммуникации[288].

Судебная практика зарубежных стран показывает тенденцию ограничения права обвиняемых в совершении преступления на Интернет доступ в целях недопущения продолжения преступления и (или) совершения новых преступлений в случае, если преступление связано с использованием цифровых технологий[289]. Вместе с тем в решении Апелляционного суда Англии и Уэльса от 19 июля 2011 года по делам С. Смит, У. Кларк, Б. Холл и Дж. Додд (все преступления сексуального характера) суд, указав, что использование обвиняемыми Интернета зависит от фактических обстоятельств конкретного дела, сделал несколько выводов.

Во-первых, принимая во внимание, что Интернет является неотделимой частью повседневной жизни каждого человека, абсолютный запрет к компьютеру и доступу в Интернет недопустим. Суд пишет: «до создания Интернета, если обвиняемый хранил книги с фотографиями детской порнографии, никому не приходило в голову запретить ему владеть всеми печатными материалами. Интернет – это современный аналог»[290]. Напротив, ограничение обвиняемого в Интернет доступе лишит его в возможности «просмотра прогноза погоды,

---

[288] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12.05.2022 N АПЛ22-115 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 31.01.2022 N АКПИ21-968, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 55 (в части) и 58 (в части) Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Приказом Минюста России от 16.12.2016 N 295, пунктов 12 и 17 (в части) приложения N 1 к данным Правилам».

[289] Shandler R., Canetti D. A Reality of Vulnerability and Dependence: Internet Access as a Human Right // Israel Law Review. 52(1). 2019. P. 86.

[290] England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions // Bailii URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1772.html.

планирования поездок, чтения новостей, направления показаний счетчика, осуществления банковских операции и даже отправления или получения электронной почты»[291], то есть лишит человека в удовлетворении повседневных потребностей.

Во-вторых, цель недопущения продолжения совершения преступления и (или) совершения новых преступлений может быть достигнута направлением обвиняемым по запросу полиции читабельной истории Интернет - браузеров.

ЕСПЧ также пришел к выводу о невозможности установления абсолютного запрета доступа в Интернет для лиц, находящихся в местах лишения в свободы (решение по делу Мехмет Решит Арслан и Орхан Бингел против Турции от 18.06.2019). Мехмет Решит Арслан и Орхан Бингел, осужденные к пожизненному лишению свободы, жаловались на нарушение закрепленного в статье 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека (далее – Конвенция). По мнению заявителей, отсутствие доступа Интернет ресурсам не дает возможности продолжить получение высшего образования. В постановлении ЕСПЧ усмотрел искреннее желание закончить высшее образование; подчеркнул важность получения образования в тюремных условиях, сославшись на рекомендации Комитета министров и Европейские стандарты обращения с заключенными; указал, что национальные суды Турции не установили баланса между правом заявителя на получение высшего образования посредством доступа в Интернет и публичными интересами государства[292].

В решение по делу Янковскис против Литвы от 17.01.2017 ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении статьи 10 Конвенции. Суд указал, что, поскольку заявитель, находящийся в местах лишения свободы, просил предоставить доступ именно к сайту Министерства образования Литвы с целью выяснения возможности

---

[291] England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions // Bailii URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1772.html.

[292] Judgment Mehmet Resit Arslan and M. Orhan Bingöl v. Turkey - use of a computer and Internet access denied to two prisoners // HUDOC. European Court of Human Rights URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-6436034-8464108.

получения образования, нарушения безопасности государства при предоставлении такого доступа не имеется[293].

2. Запрет самой технической возможности доступа к Интернету имеется и для военнослужащих, лиц, проходящих военные сборы, при определенных обстоятельствах, например, при участии в боевых действиях, выполнении задач в период мобилизации, несения боевого дежурства и других прямо указанных законом обстоятельствах, запрещается иметь при себе электронные изделия (приборы, технические средства) бытового назначения, в которых могут храниться или которые позволяют с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» распространять или предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации (ч. 1.3. ст.7 Федерального закона «О статусе военнослужащего»[294].

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 26.02.2021 № 307-О такой запрет связан с особенностями военной службы, непосредственно связанной с защитой Отечества, обеспечением обороны и безопасности государства. Этим обусловливается правовой статус военнослужащих, специфический характер воинской дисциплины, необходимость некоторых ограничений прав и свобод, устанавливаемых федеральным законодательством в отношении военнослужащих[295].

Помимо отсутствия самой фактической возможности доступа в Интернет (ч. 1.3 Закона о статусе военнослужащих), данным нормативным правовым актом установлено ограничение деятельности военнослужащих в Интернете. Так, в соответствии с ч. 1.1 ст. 7 Федерального закона от 27.05.1998 «О статусе военнослужащих» военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы,

---

[293] Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) По делу обжалуется жалоба заявителя на то, что он не имел доступа в Интернет в исправительном учреждении, что лишило его возможности получать информацию по образовательной тематике. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 1.

[294] Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, N 22, 01.06.1998, ст. 2331.

[295] Определение Конституционного Суда РФ от 26.02.2021 N 307-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1.3 статьи 7 и абзацем 27 пункта 2 статьи 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

запрещается с использованием сети Интернет распространять или предоставлять информацию, связанную с осуществлением службы.

3. Ограничения распространения информации в Интернете установлены законом для иностранных агентов при осуществлении ими политической деятельность, целенаправленного сбора сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространения предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участия в создании таких сообщений и материалов, иные виды деятельности без указания на то, что эти материалы (информация) произведены и (или) распространены иностранным агентом (ч. 7 ст. 10 Закона об Информации).

Московский городской суд в решении от 25.02.2022 по делу №7-2873/2022 указал, что данное требование направленно на информирование аудитории о том, что распространяемые средством массовой информации материалы преследуют интересы других государств. Норма преследует цель установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности, сохранения государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, ее независимости от внешних факторов, в частности, от факторов, которые могут дестабилизировать внутриполитическую и социальную ситуацию в стране, в целях реализации права граждан на доступ к информации, в том числе в части сведений о лице, ее распространившем[296].

4. В марте 2023 г. Роскомнадзором утвержден Перечень[297] информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, использование которых запрещено законом при оказании государственных и муниципальных услуг, выполнении государственного (муниципального) задания, а также государственными и муниципальными унитарными предприятиями, публично-

[296] Решение Московского городского суда от 25.02.2022 по делу N 7-2873/2022. Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: О привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 19.34.1 КоАП РФ за повторное нарушение порядка деятельности иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента.

[297] Перечень информационных систем и (или) программы для электронных вычислительных машин, указанных в ч. 8 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации (утв. Роскомнадзором).

правовыми компаниями, хозяйственными обществами с участием в уставном капитале Российской Федерации, кредитными организациями (ч. 8 ст. 10 Закона об Информации). В данный перечень включены такие информационные системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, как Skype, Microsoft Teams, Telegram, WhatsApp и ряд других.

5. Для судей прямого законодательного запрета доступа в Интернет нет. Рекомендациями для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая Интернет, социальные сети, утвержденными Постановлением Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 29 подчеркивается, что судьи согласно Конституции и федеральным законам обладают всеми правами, в том числе свободой мысли и слова, что распространяется на поиск, получение, передачу, производство, распространение информации в сети «Интернет» (п. 1 Рекомендаций), одновременно поведение судьи в сети «Интернет» как форма публичной активности должно отвечать требованиям, закрепленным в Кодексе судейской этики, способствовать поддержанию независимости, объективности и беспристрастности судебной власти (п. 2 Рекомендаций). Положения настоящих Рекомендаций не расширяют этических запретов, но требуют от судьи осмотрительности, соблюдения баланса между реализацией своих гражданских прав и ограничений, налагаемых в силу статуса, знания особенностей функционирования сети «Интернет» (п. 3 Рекомендаций)[298].

В соответствии со ст. 11 Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» судья Конституционного Суда не вправе, в том числе в сети Интернет, высказывать свое мнение о вопросе, который находится не только на рассмотрении Конституционного Суда, но и может стать предметом рассмотрения суда; критиковать решение суда[299]. Суть данного запрета заключается в минимизации

[298] Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая Интернет, социальные сети, утвержденными Постановлением Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 29.
[299] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

воздействий на процесс формирования судебных правовых позиций, а также в предотвращении дискредитации отдельных судей вследствие разглашения информации, полученной в ходе совещания. Указанные факторы способны детерминировать судебное усмотрение, провоцируя сомнения в объективности как отдельных судей, так и судебного органа в целом, что может создать впечатление обусловленности судебного решения внеправовыми факторами[300].

6. Статья 10.6 Закона об информации[301] возлагает обязанность реализации этого запрета на владельцев социальных сетей.

Дополнительные обязанности возлагаются на создателя страницы социальной сети с аудиторией более 10 000 пользователь. Создатель такой страницы обязан:

1) предоставить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, сведения, позволяющие его идентифицировать. Состав сведений и порядок их предоставления устанавливаются Правительством Российской Федерации;

2) не допускать на созданной им персональной странице последующее распространение информации, которая была распространена на персональной странице, не включенной в перечень персональных страниц, указанный в части 1.2 настоящей статьи.

С 01.11.2024 ст. 10.6 дополняется ч. 1.2 (ФЗ от 08.08.2024 №303-ФЗ), которая закрепит за Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи обязанность по ведению перечня персональных страниц, объем аудитории каждой из которых составляет более десяти тысяч пользователей социальной сети. В указанный перечень

---

[300] Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 133.

[301] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

включаются персональные страницы пользователей социальной сети, которые выполнили требования, предусмотренные частью 1.1 настоящей статьи, и не распространяют информацию с нарушением требований законодательства Российской Федерации, а также информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Порядок формирования и ведения указанного перечня определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

Подобные ограничения владельцев социальных сетей с определенным числом аудитории имеются в законодательстве зарубежных государств. Например, в Германии Закон о совершенствовании правоприменения в социальных сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz - NetzDG) от 01.09.2017 в редакции от 06.05.2024 устанавливает административную ответственность за распространение незаконной информации владельцами социальных сетей, то есть поставщиков цифровых услуг, которые с целью получения прибыли управляют платформами в Интернете, предназначенными для того, чтобы пользователи могли делиться каким-либо контентом с другими пользователями или делать его доступным для общественности [302]. Аналогичные нормы приняты в Турции 29.07.2020 путем внесения дополнений в Закон No 5651 «О регулировании публикаций в интернете и борьбе с преступлениями, совершаемыми посредством таких публикаций»[303].

2. Классификация ограничений в зависимости от цели. Конституция в ч. 3 ст. 55 предусматривает такие цели ограничения прав человека, как: защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ограничения в целях защиты основ конституционного строя. Под основами конституционного строя понимаются «основные принципы устройства общества и государства, обеспечивающие подчинение государства праву и

[302] Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken, Netzdurchsetzunggesetz, NetzDG // Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html (дата обращения: 01.03.2025).
[303] Internet ortaminda yapilan yayinlarin düzenlenmesi ve bu yayinlar yoluyla işlenen suçlarla mücadele edilmesi hakkinda kanu // Режим доступа: https://perma.cc/T97C-AM9H (дата обращения: 01.03.2025).

устанавливающие пределы вмешательства государства в жизнь гражданского общества»[304]. Можно выделить разные классификации основ конституционного строя. Выделяют политические основы конституционного строя (верховенство Конституции, демократическое государство, правовое государство, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, республиканская форма правления, разделение властей, единство государственной власти, государственный суверенитет, идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, федеративное государство, самостоятельность местного самоуправления); социально-экономические основы конституционного строя (свобода экономической деятельности, единство экономического пространства, поддержка конкуренции, признание многообразия форм собственности и их равной защиты, признание и охрана земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, социальный характер государства); духовные основы конституционного строя (идеологическое многообразие; светский характер государства)[305].

Примером ограничения доступа к Интернету в целях защиты основ конституционного строя можно назвать Законопроектом № 608767-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет» на территории Российской Федерации)». В пояснительной записке говорится, что данные нормы являются ответом на Стратегию национальной кибербезопасности США. В современных условиях «необходимы защитные меры для обеспечения долгосрочной и устойчивой работы сети Интернет в России, повышения надежности работы российских интернет-ресурсов»[306].

---

[304] Конституционное право России: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. Г. Дудко. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 69.
[305] Там же. С. 71.
[306] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2025).

Закон о связи был дополнен статьей 65.1 [307] , предусматривающую возможность Роскомнадзора в целях выявления угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети «Интернет» и сети связи общего пользования централизованное управление сетью связи общего пользования.

Под централизованном управлением сетью связи общего пользования статья понимает управление техническими средствами противодействия угрозам и (или) путем передачи обязательных к выполнению указаний операторам связи, собственникам или иным владельцам технологических сетей связи, собственникам или иным владельцам точек обмена трафиком, собственникам или иным владельцам линий связи, пересекающих Государственную границу Российской Федерации, иным лицам, если такие лица имеют номер автономной системы, а также иным лицам, указанным в статье 10.2-1 Закона об информации (ч. 4 ст. 65.1 Закона об информации).

Перечень видов угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети «Интернет», регламент определения таких угроз, требования к организационно-техническому взаимодействию в рамках централизованного управления сетью связи общего пользования установлены постановлением Правительства[308]. К угрозам Порядок относит: во-первых, угрозы невозможности доступа к услугам связи из-за аварий или перегрузки узла связи, вследствие которых услуги связи становятся недоступными для физических и юридических лиц, в том числе не может быть осуществлен вызов экстренных оперативных служб, во-вторых, угрозы невозможности оказания услуг связи владельцам критически важных объектов, если такая невозможность оказания услуг связи может привести к нарушению или

[307] Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №28. Ст.2895.

[308] Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 N 127 (ред. от 27.10.2023) «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 8. Ст. 1002.

прекращению функционирования критически важных объектов. Далее порядок конкретизирует два вида угроз.

Ограничения в целях защиты нравственности. Нравственность не является правовым понятием с четко определенными критериями. По меткому утверждению В. В. Лапаевой, «в условиях господства системоцентристского мировоззрения отсутствие критериев разграничения права и нравственности означает не возвышение права до уровня нравственных требований, а ограничение прав человека для защиты общественной нравственности, выразителем которой, в конечном итоге, выступает государство»[309]. Одновременно Закон об информации под распространяемой с нарушением закона информацией понимает, в том числе, информацию, оскорбляющую человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающуюся явное неуважение к обществу, содержащую изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемую из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений (пункт дополнен в августе 2024 г.)[310]. Предполагаем, что толкование данного пункта правоприменителем должно исходить из выработанного В. В. Лапаевой подхода: «юридическая конструкция общественно значимого морального вреда позволяет ввести категорию нравственности в правовое русло и дает критерий для соизмерения прав человека с нравственными ценностями лишь в том случае, если эта конструкция отвечает требованию правового равенства, содержащегося в ч. 3 ст. 17 Конституции»[311].

Ограничения в целях защиты здоровья. Закон об информации в ст. 15.1 относит к информации, распространение которой в России запрещено, в частности, информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах

---

[309] Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. С. 487-488.

[310] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[311] Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012 С. 491.

и местах культивирования наркосодержащих растений; о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства; информацию, направленную на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц[312].

Ограничения в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Закон об информации содержит, в частности, порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления; порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав[313].

Ограничения в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. Закон об информации в ст. 15.3 относит к информации, распространяемой с нарушением закона, распространяемую под видом достоверных сообщений недостоверную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; содержащую предложение о финансировании противника в условиях вооруженного конфликта, военных действий, контртеррористической операции или иных действий с применением вооружения и военной техники, участие в которых принимает Российская Федерация[314].

3. Классификация ограничений в зависимости от порядка. Статья 15.1 Закона об информации закрепляет судебный и внесудебный порядки блокировки сайта[315], то есть его включение в единую автоматизированную информационную

---

[312] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
[313] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
[314] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
[315] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – Реестр). Создание, формирование и ведение реестра осуществляются Роскомнадзором.

В Реестр включаются: 1) доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети «Интернет», 2) сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети «Интернет».

Решение о блокировки сайта может быть принято различными федеральными органами исполнительной власти в зависимости от вида информации. Например, Министерство внутренних дел Российской Федерации принимает решения, являющиеся основаниями для блокировки в отношении информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в отношении информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства[316]. Исчерпывающий перечень оснований блокировки сайта, решение о которой принимает федеральный орган исполнительной власти закреплен в п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации.

Отдельно в п. 3 ч. 5 ст. 15.1 Закон об информации устанавливает, что в случае распространения информации, порочащей честь, достоинство или деловую

---

[316] Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (вместе с «Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», «Правилами принятия уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространяемых посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», распространение которых в Российской Федерации запрещено») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 44. Ст. 6044.

репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица блокировка производится постановлением судебного пристава-исполнителя об ограничении доступа к такой информации.

Положения статьи 15.1 Закона об информации были исследованы и оценены Конституционным Судом Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека в делах по жалобе Владимира Харитонова.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 17.07.2014 по делу № 1759-О, комментируя ч. 6- 10 ст. 15.1 Закона об информации, отметил, что оспариваемые законоположения, как направленные на прекращение распространения информации, причиняющей или способной причинить вред охраняемым Конституцией Российской Федерацией ценностям (в частности таким, как жизнь, здоровье, детство), и учитывающие особенности структуры правовых отношений и технологических связей, складывающихся в связи с распространением информации посредством сети «Интернет», сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Закрепленный в законе порядок включения в Реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет»; сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет» обусловлен особенностями структуры правовых отношений и технологических связей, возникающих в связи с распространением информации посредством ее размещения на сайте в сети «Интернет» между владельцем сайта, обслуживающим его провайдером хостинга и оператором связи, оказывающим услуги по предоставлению доступа к сети «Интернет», и направлена на обеспечение соразмерности, адекватности и эффективности мер реагирования при различных обстоятельствах. При этом рассматриваемое регулирование, возлагающее определенные обязанности на провайдера хостинга и оператора связи в целях прекращения распространения информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено[317].

[317] Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2

ЕСПЧ в решении от 23.06.2020 по делу «Владимир Харитонов против Российской Федерации» указал, что статья 15.1 Закона об информации позволяла органам власти применять меры ко всему сайту, не проводя различия между легальным и нелегальным контентом, который он может содержать. Напоминая, что полная блокировка доступа ко всему сайту является крайней мерой, которая сравнима с запретом на газету или телевизионную станцию, Суд счел, что правовое положение, предоставляющее исполнительному органу столь широкую свободу усмотрения, несет в себе риск произвольной и чрезмерной блокировки контента (пункт 38 постановления)[318].

Блокировка сайта может быть осуществлена на основании решения суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено (п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации).

Судебный порядок ограничения доступа к различного рода информации, распространение которой на территории РФ запрещено законом, предусмотрен ст. 15.1-1 (порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации), ст. 15.1-2 (порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления), ст. 15.2 (порядок ограничения доступа к

статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[318] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу Владимира Харитонова против Российской Федерации (жалоба N 10795/14). По делу обжалуется решение органов власти ограничить доступ к противоправному сайту, содержащему сборник фольклорных рассказов о конопле, путем блокирования доступа к сайту заявителя, имеющему такой же IP-адрес, а также нерассмотрение жалобы заявителя на блокирование доступа к его сайту по существу. По делу допущено нарушение требований статьи 10, а также статьи 13 во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 6.

информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав), ст. 15.3 (порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона). При этом под информацией, распространяемой с нарушением закона, Закон об информации, в частности, понимает информацию, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка; информацию, содержащая призывы к введению в отношении Российской Федерации, ее граждан либо российских юридических лиц политических, экономических и (или) иных санкций. Исчерпывающий перечень видов такой информации закреплен в ч. 1 ст. 15.3 Закона об информации.

В постановлении по делу «Энгельс (Engels) против Российской Федерации»[319] ЕСПЧ особо отметил, что в ч. 5 ст. 15.3 Закона об информации перечислены три вида решений, которыми органы власти Российской Федерации могут относить онлайн-контент к категории незаконного. Второй пункт позволяет блокировать сайты на основании «решения суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено». ЕСПЧ отметил чрезмерную широту данного положения, которая дает судам или владельцам сайтов каких-либо указаний относительно характера или категорий онлайн-контента, который может быть запрещен, что не удовлетворяет требованию предсказуемости.

Не является абсолютным и право быть забытым (право на забвение). В России данное право форматизировано в 10.3 Закона об информации и представляет собой обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина удалить недостоверную, неактуальную или утратившую значение информацию о данном лице, а также о сведения, распространяемые с нарушением закона. При этом не подлежит удалению, во-первых, информация, содержащая

[319] Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16). По делу обжалуется вмешательство в право заявителя на распространение информации, поскольку он был вынужден удалить законный контент, чтобы избежать блокирования всего сайта. По делу допущены нарушения требований статей 10, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская хроника Европейского Суда. 2021. № 1.

признаки уголовно наказуемого деяния, сроки привлечения к ответственности по которому не истекли, во-вторых, информация о совершении гражданином преступления, судимость по которому не снята и не погашена.

Также право на забвения при определенных обстоятельствах может вступать в конфликт с правом на свободу информации. В деле «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против ФРГ»[320] были противопоставлены свобода печати, дающая издателю право на опубликование фото в журнале, и право принцессы на частную жизнь. Заявитель, принцесса Фон Ганновер, обратилась в суд с целью запрета публикации в журналах ее фотографий на том основании, что они нарушают право принцессы на защиту личных прав (Personlichkeitsrecht), гарантированных п. 1 ст. 2 и п. 1 ст.1 Основного Закона Германии (Grundgesetz), и право на защиту частной жизни и контроль использования своего изображения, гарантированное ст. 22 Закона об авторском праве (Kunsturhebergesetz). Главными критериями между правом на частную жизнь и правом на свободу информации ЕСПЧ указал значение информации для дискуссии, представляющей общественный интерес, степень публичности лица, поведение лица перед тем, как информация была опубликована, и то, каким образом она была предана публичности[321]. Французские суды определили ряд критериев, позволяющих найти баланс между правом на забвение и свободой информации. Во внимание принимается общественный интерес, включая значимость и публичную роль лица – если человек не является публичной фигурой, это обычно усиливает его право на забвение. Важна также связь информации с текущими общественными дискуссиями, источник данных, особенно если он журналистский, характер сведений – аналитические ли они или оценочные, их достоверность, поскольку ложные новости не защищаются свободой информации, а также давность и актуальность данных. Учитывается и необходимость сохранения доступа к

[320] CASE OF VON HANNOVER v. GERMANY (No. 2) (Applications nos. 40660/08 and 60641/08) // European Court of Human Rights. Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109029. (дата обращения: 06.04.2025).
[321] Кравчук Н. В. Право на забвение: интернет и проблемы прав человека // Россия и современный мир. 2016 . № 2 . С. 232.

информации, если она объективно отражает ситуацию, а также возможность найти её через другие поисковые запросы, а не только по имени[322].

Со стороны заинтересованного лица оценивается степень конфиденциальности данных, относятся ли они к частной или профессиональной жизни, публиковал ли их сам человек и как давно, были ли у автора умышленные действия при распространении информации, а также реальное влияние наличия этих данных в интернете на частную жизнь[323]. Эти критерии позволяют гибко подходить к каждому случаю, взвешивая два конфликтующих права.

Выводы по параграфу.

1. На основании изложенного, учитывая критерии ограничения прав человека, закрепленные в конституционном тексте, в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации, ЕСПЧ, предлагаем изложить ч. 1 ст. 9 Закона об информации в следующей редакции: «ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в той мере , в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Полагаем, что в каждой конкретной ситуации ограничения цифровых прав правоприменителю, прежде всего суду, необходимо учитывать, во-первых, наличие ограничения в законе, во- вторых, преследует ли ограничение законную цель, в -третьих, обеспечение соразмерности между ограничениями прав человека и защищаемым публичным интересом, в-четвертых, сохранение существа ограничиваемого права.

2. Анализ ограничений доступа в Интернет дает возможность классифицировать их по следующим критериям: во-первых, статус субъекта, во-вторых, цель вводимых ограничений, в –третьих, порядок ограничения.

---

[322] Талапина Э.В. Право на забвение: французский опыт // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 44.
[323] Там же. С. 45.

2.3. Тенденции правового регулирования механизма реализации цифровых прав человека

Анализ механизма правового регулирования цифровых прав человека позволяет нам выделить такие тенденции, как: 1) усиление цензуры и ограничений в сети Интернет; 2) принятие норм, обеспечивающих государственную безопасность, защиту суверенитета в информационной (цифровой) среде; 3) восприятия Интернета не только в качестве блага, но и как угрозы нарушения других прав человека; 4) повышение ответственности бизнеса за соблюдение цифровых прав человека; 5) систематизации правовых норм, регулирующих отношения в цифровой среде, в том числе в сфере прав человека, принятие Цифрового кодекса.

1. Тенденция усиления цензуры и ограничений в сети Интернет. В настоящее время намечена общемировая тенденция усиления цензуры и ограничений в Интернет пространстве. По мнению Д. Нунциато (Dawn Nunziato), «Интернет все больше становится средой цензуры, поскольку многие государства установили общенациональные режимы, блокирующие в Интернете доступ их граждан к различным видам информации, которую они считают вредной»[324]. Доктрина свободного потока, free flow, основные принципы которой заключаются в запрете ограничения доступа к интернету, недопустимости массовых отключений сети, уступает идеи необходимости государственного регулирования информации и выражения мнений для обеспечения большего «баланса» и достижения определенных социальных, политических и экономических целей[325].

С. А. Грачева, М. Е. Черемисинова данную тенденцию называют как «огосударствление» цифровой среды и смещения правового регулирования в сторону контрольной деятельности»[326]. Ученые выделяют такие направления

[324] Nunziato D. C. The Beginning of the End of Inter net Freedom // Georgetown Journal of Interna tional Law. Vol. 45. 2014. No. 2. P. 384.
[325] Penney J. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchell Law Review, Vol. 38, No. 1, 2011. P. 35.
[326] Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 64.

контрольной деятельности, как: контроль за персональными и личными данными, контроль передачи и распространения информации в сети Интернет, контроль анонимной активности в Интернете[327].

В Законе об информации расширяется перечень информации, распространяемой с нарушением закона (ч. 1 ст. 15.3 Закона об информации). В 2024 году данный перечень дополнен такой информацией, как: информация, содержащая сведения, распространение которых ограничено актами Президента Российской Федерации; информация, содержащая предложения о предоставлении незаконных услуг в сфере миграции, а также о способах организации незаконной миграции; информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений; информационные материалы иностранной или международной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

2. Принятие норм, обеспечивающих государственную безопасность, защиту суверенитета в информационной (цифровой) среде. С первой тенденцией, на наш взгляд, связано развитие законодательства по пути обеспечения государственного суверенитета в информационной (цифровой) среде, что, в конечном итоге, при определенных обстоятельствах может влиять на реализацию прав человека в Интернете. Данная тенденция последовательно прослеживается сперва в утвержденной в 2016 году Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, которая обозначила национальные интересы России, в том числе: обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки

[327] Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 64. С. 64-65.

демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, в первую очередь критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее - критическая информационная инфраструктура) и единой сети электросвязи Российской Федерации, в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время[328].

Далее в поправках в Закон об информации, Закон о связи 2019 года[329], закрепляющая порядок создания национальной системы технических средств хранения информации, позволяющей российскому сегменту сети Интернет продолжать работу после возможного отключения России от корневых серверов на территории других государств[330].

В 2022 году на территории Российской Федерации заблокированы Facebook, WhatsApp, Instagram, YouTube на основании решения Тверского районного суда г. Москвы № 02-2473/2022.

С 2022 года ограничения распространения информации в Интернете установлены законом для иностранных агентов при осуществлении ими политической деятельность, целенаправленного сбора сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, распространения предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участия в создании таких сообщений и материалов, иные виды деятельности без указания на то, что эти материалы (информация) произведены и (или) распространены иностранным агентом (ч. 7 ст. 10 Закона об Информации в редакции от 05.12.2022).

---

[328] Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

[329] Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2025).

[330] Нечкин А.В., Истомин М.А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети Интернет на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 1. С. 101.

Аналогичные меры можно встретить и в законодательстве зарубежных государств. Так, В Стратегии национальной кибербезопасности США от 1 марта 2023 года описывает комплексный подход для повышения кибербезопасности и обеспечения того, чтобы США были в максимально выгодном положении для реализации преимуществ и потенциала цифрового будущего. Стратегия подчеркивает, что кибербезопасность необходима для сохранения демократических институтов, конфиденциальности данных, национальной обороны [331] . Другой документ, Стратегия США в области международного киберпространства и цифровой политики от 2024 года, закрепляет цели совершенствования совместно с партнёрами, частным сектором и гражданским обществом цифровых технологий, основанных на принципах соблюдения прав человека[332].

Как видим, в условиях современных конфликтов государства устанавливает защитные меры для обеспечения долгосрочной и устойчивой работы сети Интернет, повышения надежности работы Интернет-ресурсов в целях обеспечения защиты суверенитета в цифровом пространстве, что, с другой стороны, может быть рассмотрено в качестве ограничения права поиска, получения и распространения информации в сети Интернет.

3. Тенденция восприятия Интернета не только в качестве блага, но и как угрозы нарушения других прав человека. По мнению исследований, с 10-х годов XXI века доступ в Интернет рассматривается властью в официальных документах не только как благо, но и как угроза [333] . Современные дискуссии в области цифровых прав акцентируют необходимость обеспечения цифрового суверенитета личности, под которым понимается способность индивида автономно регулировать степень раскрытия персональных данных, осуществлять контроль над формированием и использованием своего цифрового профиля в виртуальной среде,

---

[331] National cybersecurity strategy // Режим доступа: https://pentagonus.ru/doc/National_Cybersecurity_Strategy_03_2023.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

[332] United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U. S, Department of State URL: https://www.state.gov/united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy/ (дата обращения: 02.03.2025).

[333] Колозариди П. В., Шубенкова А. Ю. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза // Журнал исследований социальной политики. Том 14. № 1. С. 39 – 54.

а также гарантировать защиту от несанкционированной обработки личной информации. Важным аспектом данного концепта выступает ограничение применения исключительно алгоритмических механизмов принятия решений в вопросах, оказывающих существенное влияние на жизненно важные сферы человеческой деятельности.

4. Тенденция повышения ответственности бизнеса за соблюдение цифровых прав человека. В доктрине выделяют цифровые права третьего поколения, характеризующиеся расширением круга субъектов права и появлением новых обязательств для субъектов отношений в сети Интернет. В отличие от традиционной системы, ориентированной преимущественно на государство и физических лиц, они признают новых правообладателей: интернет-провайдеров, владельцев поисковых систем, операторов связи, других участников цифровой экосистемы. А также устанавливают специфические обязательства для этих субъектов: обязанности по обеспечению цифровых прав пользователей, ответственность за соблюдение новых норм цифрового взаимодействия[334].

Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН 2011 года возлагает на предприятия обязанность проявления «должной осмотрительности» в области прав человека, установления мер ответственности за нарушение прав человека, представлять средства правовой защиты. Подобные правовые механизмы приняты во внутреннем законодательстве зарубежных государств, в частности, Германии[335] и Франции[336]. В России в настоящее время подобное законодательство отсутствует.

5. Тенденция систематизации правовых норм, регулирующих отношения в цифровой среде, в том числе в сфере прав человека, принятие Цифрового кодекса. Как мы уже говорили ранее, в некоторых государствах предпринята попытка принятия кодифицированного акта, закрепляющего

---

[334] Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2023. N 11. С. 34.

[335] New German Law on Duty of Care in Supply Chain Organization enters into force on 1 January 2023 // Noerr URL: https://www.noerr.com/en/insights/new-german-law-on-duty-of-care-in-supply-chain-organization-enters-into-force-on-1-january-2023 (дата обращения: 08.01.2025).

[336] Devoir de Vigilance (Закон об обязанности проявлять должную осмотрительность) // EcoVadis URL: https://ecovadis.com/ru/regulations/devoir-de-vigilance-duty-of-care-law/ (дата обращения: 08.01.2025).

цифровые права человека. Таким примером может служить испанский Закон испанском Законе 3/2018«О защите персональных данных и гарантиях цифровых прав»[337].

В странах СНГ выявлена общая тенденция разработки и принятия Цифровых (Информационных) кодексов. В Республике Узбекистан Информационный кодек в 2022 году был вынесен на публичное обсуждение[338]. В Республиках Казахстан[339]и Кыргызстан цифровые (информационные) кодексы уже приняты.

Цифровой кодекса Республики Казахстан, принятый 9 января 2026 г., в качестве одного из принципов закрепляет соблюдение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде; безопасность человека, общества и государства при применении цифровых технологий (пп. 1, 2 ст. 4 Цифрового кодекса) Данный нормативный правовой акт, хотя и не содержит прямого термина «цифровые права человека», в главе 8 закрепляет их перечень и раскрывет содержание: право на цифровую идентичность и ее защиту, право на удаление, анонимизацию и ограничение обработки персональных данных, цифровая доступность и права лиц с инвалидностью в цифровой среде, права субъектов цифровой среды при использовании алгоритмических систем и полностью автоматизированных решений. Данный перечень не является исчерпывающим, так как иные права могут быть предусмотрены данным актом и другими законами[340].

Цифровой кодекс Республики Кыргызстан понимает цифровые права в значении близком российскому Гражданскому кодексу как право доступа к объекту правоотношений в цифровой среде и право устанавливать условия доступа к нему. Цифровые права являются отчуждаемыми и могут передаваться от одного субъекта правоотношений в цифровой среде другому на основании договора (статья 20). При этом в тексте проекта встречаются цифровые права в понимание

---

[337] Carta de derechos digitales URL: https://www.boe.es/eli/es/lo/2018/12/05/3 (дата обращения: 17.03.2025).

[338] Проект закона Республики Узбекистан «Об утверждении Информационного кодекса Республики Узбекистан id-72848 // regulation.gov.uz. URL: https://regulation.gov.uz/oz/d/72848 (дата обращения: 06.04.2025).

[339] Досье на проект Цифрового кодекса Республики Казахстан (апрель 2024 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 06.04.2025).

[340] Цифровой кодекс Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (дата обращения: 19.08.2026).

публично-правовой доктрины: право на цифровую идентичность (статья 35), право на защиту персональных данных (глава 11)[341].

В России в 2021 году впервые на необходимость разработки Цифрового кодекса Российской Федерации указал Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в докладе «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве»[342].

Впоследствии к данной инициативе вернулись в 2023 году. Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года говорит о необходимости, во-первых, формулирования единых принципов регулирования отношений в сфере связи и информационно-коммуникационных технологий, создать единообразный понятийный аппарат; во-вторых, унификации используемые в отраслевом законодательстве правовых институтов и механизмов; в-третьих, устранения пробелов, коллизий, повторений и других недостатков отраслевого регулирования; в-четвертых, приведения нормативно-правовую базы в соответствие с актуальным состоянием рынка услуг спутниковой связи; формирования подходов к обеспечению информационной безопасности в сетях связи для интернета вещей, в том числе по вопросам идентификации. Оптимальный вариант Стратегия видит в принятии Цифрового кодекса Российской Федерации в форме федерального закона[343].

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России приступило к разработке концепции проекта Цифрового кодекса, подготовка первого варианта проект была намечена на середину 2025 года. При этом среди членов рабочей группы не имеется единого мнения как по названию акта – Цифровой или Информационный кодекс, так и по его структуре, «поскольку в нем предстоит объединить достаточно большое количество разных по своей основе

---

[341] Цифровой кодекс Республики Кыргызстан. URL: st-1.akipress.org›cdn-st-0/qec/7/14710.2383….docx (дата обращения: 19.08.2026).

[342] СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ // СПЧ. URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 31.03.2025).

[343] Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 N 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 50. Ст. 9094.

правовых норм»[344]. По сведениям первого заместителя председателя Комитета, Совета Федерации по конституционному, законодательству и государственному строительству Ирины Рукавишниковой, Цифровой кодекс планируют разделить на две части: общую и особенную. В общей части будут перечислены основные понятия, термины, принципы, субъекты и объекты права, то есть все то, что называется понятийным аппаратом. В особенной части - конкретные виды государственных и социальных институтов, виды правоотношений и способы их регулирования[345].

Хотя в государствах-членах СНГ и наблюдается тенденция разработки и принятия цифровых кодексов, позиция автора диссертации заключается в взвешенном и осмотрительном подходе к данному виду систематизации законодательства. Аргументируем.

Во-первых, кодификация как разновидность систематизации законодательства представляет собой «объединение в единый нормативный правовой акт норм права, регулирующих *определенную отрасль общественных отношений*»[346]. Ю. А. Тихомиров, Э.В. Талапина в качестве критерия отделения кодекса от закона называют, в том числе, полноту регулирования в какой-либо сфере, единообразие регулирования[347]. Между тем цифровизация затрагивает общественные отношения, которые регулируют нормы различной отраслевой принадлежности как публичного, так и частного права, что создает трудности в определении предмета регулирования цифрового кодекса, логики его построения, а также методов правового регулирования.

Во-вторых, как мы уже неоднократно отмечали, важна не сама технология, а социальные последствия, возникающие в результате применения технологии. Так, по замыслу законодателя, все компьютерные преступления в Уголовном кодексе РФ должны были содержаться в одной специальной главе (ст. 272-274). Однако на

---

[344] Что должен содержать Цифровой кодекс – мнение экспертов // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/news/1727243/ (дата обращения: 31.03.2025).
[345] В Совфеде рассказали, каким станет Цифровой кодекс России // Ассоциация юристов России. URL: https://alrf.ru/news/v-sovfede-rasskazali-kakim-stanet-tsifrovoy-kodeks-rossii/ (дата обращения: 31.03.2025).
[346] Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 308.
[347] Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 48.

практике эту систему выдержать не удалось. В результате появились смежные составы преступлений в других разделах Кодекса, как, например, «мошенничество в сфере компьютерной информации» (ст. 159.6 УК РФ), которое было помещено в главу об имущественных преступлениях [348] . Как отмечает А. Румянцев: «законодатель счёл более важным не технический способ совершения преступления, а социальный и экономический момент: незаконное перераспределение имущества»[349].

В-третьих, зарубежный опыт показывает, что не все государства стремятся систематизировать законодательства в информационной сфере. Например, в Китае данные отношения регулируются рядом специальных законов таких, как: Закон о защите персональных данных, Закон о безопасности в сети Интернет и ряд други[350], а в Германии действуют Закон об информационных и коммуникационных услугах, Закон о телекоммуникационных данных, Закон ограничении тайны переписки, почтовых и телефонных сообщений и другие[351]. В зарубежной доктрине также можно найти критические мнения о создании кодифицированного акта, регулирующего цифровые права человека, ввиду объективной причины – постоянное развитие технологии и отставание права от научно-технического процесса[352].

Сделаем выводы по параграфу.

1. Определи тенденции механизма правового регулирования цифровых прав человека такие, как: 1) усиление цензуры и ограничений в сети Интернет; 2) принятие норм, обеспечивающих государственную безопасность, защиту суверенитета в информационной (цифровой) среде; 3) восприятия Интернета не только в качестве блага, но и как угрозы нарушения других прав человека; 4) повышение ответственности бизнеса за соблюдение цифровых прав человека; 5)

---

[348] Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №6(145). С.73 - 74.
[349] Там же. С. 74.
[350] Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 319 – 321.
[351] Стукалов А. С. Европейская модель регулирования информационных отношений в сети Интернет // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №1. С. 132.
[352] Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // Computer Law and Security Review. 2022. № 4. P. 6.

систематизации правовых норм, регулирующих отношения в цифровой среде, в том числе в сфере прав человека, принятие Цифрового кодекса.

2. При этом мы критически относимся о систематизации информационного законодательства в форме кодификации, поскольку кодекс представляет собой объединение норм права, регулирующие однородные общественные отношения, однако цифровизация затрагивает общественные отношения, которые регулируют нормы различной отраслевой принадлежности как публичного, так и частного права, что создает трудности в определении предмета регулирования цифрового кодекса, логики его построения, а также методов правового регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выработать собственное понимание цифровых прав человека как группы относительных субъективных прав, возникших в ответ на социальные последствия внедрения цифровых технологий. Их цель заключается в компенсировании рисков нарушения автономии и достоинства личности в цифровой среде, которые в силу технологических особенностей (скорость, объем, трансграничность, необратимость) приобретают повышенную общественную опасность.

В ходе исследования были определены ключевые особенности цифровых прав. Во-первых, их реализация возможна исключительно с использованием цифровых технологий. Во-вторых, они существуют только в пределах цифровой среды. В-третьих, объектом регулирования в данном случае выступает информация. В-четвертых, наблюдается возрастание роли организаций (цифровых платформ, операторов, провайдеров и др.) в соблюдении и защите цифровых прав. В-пятых, специфическим является характер последствий при их нарушении. В-шестых, цифровые права имеют особую целевую направленность.

При этом в настоящем исследовании проводится различие между собственно цифровыми правами, основными конституционными правами человека в Интернете (реализуемыми как онлайн, так и офлайн) и информационными правами, которые имеют схожий объект – информацию, однако не нуждаются в цифровой среде и технологиях для своего осуществления.

В целях дальнейшей теоретической конкретизации под цифровой средой предлагается понимать технические и организационные условия, создаваемые для реализации как универсальных прав человека с использованием электронных средств, так и цифровых прав как самостоятельной категории. Что касается цифровых технологий, то они в рамках авторской концепции выполняют три функции: во-первых, выступают инструментальными средствами, предоставляющими дополнительные возможности для реализации универсальных

(традиционных) прав человека; во-вторых, являются самостоятельным благом, доступ к которому признается правом (в частности, право на доступ к Интернету); в-третьих, служат необходимой технологической основой, без которой реализация собственно цифровых прав человека становится невозможной.

Анализ научных концепций показал, что право на доступ в Интернет является фундаментальным для всей системы цифровых прав, поскольку остальные права в этой сфере производны от него. При этом право на цифровое отключение (быть офлайн) занимает особое положение как добровольный отказ от использования цифровых технологий. Исследование доктринальных источников, законодательства России и других стран, а также судебной практики позволило рассмотреть доступ в Интернет как самостоятельное право человека, как условие реализации других прав в цифровой среде, как общедоступную, универсальную услугу, как социальное благо, как потенциальную угрозу другим правам, как обязанность государства обеспечивать связь, как технологическую инфраструктуру. Многоаспектное понимание доступа в Интернет необходимо для адекватного юридического анализа, поскольку в разных правоотношениях доступ выступает в разных качествах – как самостоятельное право, как гарантия, как услуга, как благо или как инфраструктура. Такой подход обеспечивает системность, гибкость и практическую применимость правовых норм, учитывая, что одна и та же технология одновременно создаёт возможности, риски и обязанности для разных субъектов.

Проведенное исследование включало анализ правового регулирования цифровых прав на международном, региональном и национальном уровнях. По его результатам обоснована необходимость разработки на универсальном или региональном уровне рекомендательного международного акта (soft law), который закрепил бы цифровые права человека и предусмотрел механизмы их международно-правовой защиты. Особое внимание в работе было уделено изучению зарубежного опыта, включая практику стран СНГ, БРИКС, ЕАЭС.

На национальном уровне сформулированы предложения по внесению соответствующих изменений в отраслевое законодательство. Сделан вывод об

осторожном закреплении в России на конституционном уровне цифровых прав человека. Полагаем, их защита может обеспечиваться через широкое толкование существующих конституционных прав, таких как право на свободу информации, неприкосновенность частной жизни, право на объединение и др. При этом развитие цифровых технологий требует от государства выполнения новых функций. Для этого в ст. 23 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» предлагается добавить пункт, обязывающий Правительство обеспечивать свободный доступ к интернету и технологиям, а также поддерживать их развитие.

Исследование позволило выявить специфику механизма реализации цифровых прав, включая их позитивные и негативные гарантии. Хотя конституционные нормы традиционно возлагают обязанность по защите прав человека на государства, в работе акцентируется необходимость усиления ответственности частного сектора, в первую очередь IT-корпораций, за соблюдение цифровых прав. Обоснована важность внедрения принципа «должной осмотрительности» в деятельность технологических компаний.

Для защиты от принудительной цифровизации и сохранения традиционных способов реализации прав предложено законодательное закрепления права быть офлайн (права на отключение), основная цель которого сводится к тому, что использование цифровых технологий не должно быть обязательным условием реализации прав с сохранением и гарантированием альтернативных, нецифровых механизмов реализации.

В ходе исследования выявлена глобальную тенденцию к ужесточению цензуры и увеличению количества нормативных ограничений цифровых прав человека. Автором определены критерии правомерного ограничения цифровых прав, которые могут учитываться правоприменителем, особенно судебными органами. К таким критериям относятся: законодательное закрепление ограничительных мер, их соответствие законным целям, обеспечение разумной соразмерности между ограничениями и защищаемыми общественными интересами, а также сохранение основного содержания ограничиваемых прав. Параллельно с процессом усиления государственного контроля в цифровом

пространстве наблюдается другая значимая тенденция - растущее внимание государств к вопросам защиты национальной безопасности и информационного суверенитета. Эта тенденция находит отражение в стратегических документах и нормативно-правовых актах, регулирующих информационную сферу.

Анализ изучения ограничений доступа в Интернет дает возможность классифицировать их по следующим критериям: во-первых, статус субъекта, во-вторых, цель вводимых ограничений, в –третьих, порядок ограничения.

Отдельным направлением исследования выступил сравнительно-правовой анализ цифровых кодексов стран СНГ (Казахстан, Кыргызстан), одновременно сделан критический вывод о возможности создания и принятия цифрового кодекса.

Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление и практическое развитие концепции цифровых прав человека. Обобщенные и осмысленные материалы позволили выявить сущностные характеристики данной группы прав, а также выработать рекомендации, направленные на оптимизацию правовых механизмов их обеспечения.

Актуальность исследования цифровых прав человека будет возрастать пропорционально развитию цифровых технологий, что требует их глубокого теоретического осмысления, четкого законодательного регулирования и эффективного практического внедрения. В данной работе автор предложил современные научные подходы к определению сущности цифровых прав, выявил специфические особенности реализации, оснований и критерий ограничения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 1995.

3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2000 г. – Нью-Йорк : ООН, 2000.

4. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. – Женева: Совет по правам человека ООН, 2011. – A/HRC/17/27.

5. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 ноября 2024 г. – Нью-Йорк: ООН, 2024.

6. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2023 г. – Нью-Йорк: ООН, 2023. – A/RES/78/213.

7. Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2023 г. – Нью-Йорк: ООН, 2023.

8. Замечание общего порядка № 34, статья 19: Свобода мнений и их выражения: принято Комитетом по правам человека 12 сентября 2011 г. – Женева: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 2011.Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека

и транснациональных корпорациях, и других предприятиях Джона Ругги от 21 марта 2011 г. // Совет по правам человека. Семнадцатая сессия. – Пункт 3 повестки дня Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие.

9. Совместная декларация о свободе выражения мнения и «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде: принята 3 марта 2017 г. – Вена: ОБСЕ, 2017.

10. Окинавская хартия Глобального информационного общества: принята 22 июля 2000 г. – Окинава: G8, 2000.Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

11. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12. – Москва: ЕАЭС, 2017.

12. Модельный Информационный кодекс для государств - участников СНГ (часть первая) от 03 апреля 2008 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – № 42. – 2008.

13. Об основах регулирования Интернета: модельный закон: приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 мая 2011 г. № 36-9. – Санкт-Петербург: МПА СНГ, 2011.

14. Модельный закон о цифровых правах (Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-12 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2023. – № 78 (часть 2).

15. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

16. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

17. Федеральный закон от 7 июля 2003 года №126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.

18. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ, – № 22. – 1998. – Ст. 2331.

19. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

20. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

21. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5018.

22. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

23. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

24. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // 2002. – № 24. – Ст. 2253.

25. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

26. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

28. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

29. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

30. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

31. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

32. Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 N 127 (ред. от 27.10.2023) «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 8. – Ст. 1002.

33. Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие

информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (вместе с «Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», «Правилами принятия уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространяемых посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», распространение которых в Российской Федерации запрещено») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 44. – Ст. 6044.

34. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 N 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 50. – Ст. 9094.

35. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (ред. от 27 января 2025 г.): зарегистрирован в Минюсте России 5 июля 2022 г. № 69157 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.11.2026).

36. Перечень информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, указанных в ч. 8 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: утвержден Роскомнадзором // Официальный сайт Роскомнадзора. – URL: https://rkn.gov.ru (дата обращения: 06.11.2026).

37. Разъяснения (методические рекомендации) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы

«Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждены приказом Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428. – Москва: Минкомсвязь России, 2018.

38. Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационными системами, включая Интернет, социальные сети: утверждены постановлением Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 29 // Совет судей Российской Федерации: официальный сайт. – URL: http://www.ssrf.ru (дата обращения: 06.11.2026).

39. Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти: утверждены протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-П36-89пр. – Москва, 2013.

40. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – Москва, 2021. – URL: https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf (дата обращения: 06.11.2026).

41. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0: доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – Москва, 2025. – URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (дата обращения: 06.11.2026).

42. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15 Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации»: законопроект № 537002-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/537002-8 (дата обращения: 06.11.2026).

43. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах):

законопроект № 424632-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7 (дата обращения: 06.11.2026).

44. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросам совершенствования избирательного законодательства) : законопроект № 840518-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/840518-8 (дата обращения: 06.11.2026).

45. Об утверждении Информационного кодекса Республики Узбекистан: проект закона Республики Узбекистан, id-72848 // regulation.gov.uz: официальный сайт. – URL: https://regulation.gov.uz/oz/d/72848 (дата обращения: 06.11.2026).

46. Досье на проект Цифрового кодекса Республики Казахстан (апрель 2024 года) // online.zakon.kz. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38933548 (дата обращения: 06.11.2026).

47. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 06.11.2026).

48. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 06.11.2026).

49. Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 06.11.2026).

50. Конституция Республики Узбекистан: утверждена Конституционным законом Республики Узбекистан от 1 мая 2023 г. № ЗРУ-837, принятым на референдуме Республики Узбекистан 30 апреля 2023 г. // Единый национальный

портал «Конституция Нового Узбекистана». – URL: https://konstitutsiya.gov.uz/ru (дата обращения: 06.11.2026).

51. The Constitution of Greece: as entered into force by virtue of the XIIth Resolution of June 7, 1975 of the Vth Revisionary Parliament; revised by Resolution of November 25, 2019 of the IXth Revisionary Parliament. – Athens: Hellenic Parliament, 2022.

52. Political Constitution of the United Mexican States // Organization of American States: official website. – URL: https://www.oas.org/ext/Portals/33/Files/Member-States/Mex_intro_txtfun_eng.pdf (accessed: 06.11.2026).

53. The Constitution of Nepal // UNHCR : official website. – URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2015/en/149576 (дата обращения: 06.11.2026).

54. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. – Geneva: UN Human Rights Council, 2019. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g19/148/76/pdf/g1914876.pdf (дата обращения: 06.11.2026).

55. European Digital Rights and Principles // European Commission: official website. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-principles (дата обращения: 06.11.2026).

56. Directive 2009/136/EC of the European Parliament and of the Council // EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2009/136/oj/eng (дата обращения: 06.11.2026).

57. Elektroonilise side seadus (lühend – ESS) // Riigi Teataja. – URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/120122022010?leiaKehtiv (accessed: 06.11.2026).

58. Tietoyhteiskuntakaari // Finlex. – URL: https://finlex.fi/fi/lainsaadanto/saadoskokoelma/2014/917 (дата обращения: 06.11.2026).

59. Carta de derechos digitales. – Madrid : Boletín Oficial del Estado, 2018. – URL: https://www.boe.es/eli/es/lo/2018/12/05/3 (дата обращения: 06.11.2026).

60. Devoir de Vigilance (Закон об обязанности проявлять должную осмотрительность) // EcoVadis. – URL: https://ecovadis.com/ru/regulations/devoir-de-vigilance-duty-of-care-law/ (дата обращения: 06.11.2026).

61. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html (дата обращения: 06.11.2026).

62. Internet ortamında yapılan yayınların düzenlenmesi ve bu yayınlar yoluyla işlenen suçlarla mücadele edilmesi hakkında kanun // Perma.cc. – URL: https://perma.cc/T97C-AM9H (дата обращения: 06.11.2026).

63. National Cybersecurity Strategy. – Washington: The White House, 2023. – URL: https://pentagonus.ru/doc/National_Cybersecurity_Strategy_03_2023.pdf (дата обращения: 06.11.2026).

64. United States International Cyberspace & Digital Policy Strategy // U.S. Department of State: official website. – URL: https://www.state.gov/united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy/ (дата обращения: 06.11.2026).

Судебные акты

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 N 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 26.02.2021 № 307-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1.3 статьи 7 и абзацем 27 пункта 2 статьи 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

67. Определение Конституционного Суда РФ от 02.02.2006 № 17-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Вологодской области о проверке конституционности отдельных положений статей 40, 98, 99 и 102 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 3. – 2006.

68. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. – 2013. – № 294.

70. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12.05.2022 N АПЛ22-115 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 31.01.2022 N АКПИ21-968, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 55 (в части) и 58 (в части) Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Приказом Минюста России от 16.12.2016 N 295, пунктов 12 и 17 (в части) приложения N 1 к данным Правилам».

71. Решение Московского городского суда от 25.02.2022 по делу N 7-2873/2022. Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: О привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 19.34.1 КоАП РФ за повторное нарушение порядка деятельности иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и

(или) учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента.

72. Постановление ЕСПЧ от 17.01.2017 по делу «Янковскис (Jankovskis) против Литвы» (жалоба № 21575/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2018. – № 1.

73. Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу Владимира Харитонова против Российской Федерации (жалоба N 10795/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2021. – № 6.

74. Постановление ЕСПЧ от 23.06.2020 по делу «Энгельс (Engels) против Российской Федерации» (жалоба № 61919/16) // Российская хроника Европейского Суда. – 2021. – № 1.

75. Kalda v. Estonia: judgment of 19 January 2016, application no. 17429/10 European Court of Human Rights. HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-160270 (дата обращения: 06.11.2026).

76. 77. Von Hannover v. Germany (no. 2): judgment of 7 February 2012, applications nos. 40660/08 and 60641/08 // European Court of Human Rights. HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109029 (дата обращения: 06.11.2026).

77. Anuradha Bhasin v. Union of India: judgment of 10 January 2020 // Indian Kanoon. – URL: https://indiankanoon.org/doc/82461587/ (дата обращения: 06.11.2026).

78. England and Wales Court of Appeal (Criminal Division) Decisions // BAILII. – URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1772.html (дата обращения: 06.11.2026).

79. Bundesverfassungsgericht. 1 BvR 185/77: Beschluss vom 3. Juni 1980 // OpenJur. – URL: https://openjur.de/u/177026.html (дата обращения: 06.11.2026).

80. BVerfG. Volkszählung: Urteil vom 15. Dezember 1983, 1 BvR 209/83 u.a. // Bundesverfassungsgericht. – URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html (дата обращения: 06.11.2026).

81. Volker and Markus Schecke GbR and Hartmut Eifert v. Land Hessen, ECJ, Joined Cases C-92/09 and C-93/09, 9 November 2010.

Монографии, учебники, учебные пособия, научные издания, сборники научных трудов

82. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.

83. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. – М.: Норма, 2024. – 280 с.

84. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для магистров. – М.: Юрайт, 2015. – 564 с.

85. Гасанов, К. К. Конституционный механизм основных прав человека: моногр. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – 431 с.

86. Зорькин, В. Д. Конституция и права человека в XXI веке // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=20.

87. Зорькин, В. Д. Лекции о праве и государстве: СПб. – Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. – 353 с.

88. Иксанов, И. С. Цифровое гражданство: монография / И.С. Иксанов. – Москва: ИНФРА-М, 2024. –191 с.

89. Конституционный Совет Французской Республики и некоторые его решения // Управление международных связей и обобщения практики конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации. – 119 с.

90. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В. Д. Зорькина - 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.

91. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / Под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 672 с.

92. Конституционное право России: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. Г. Дудко. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – 614 с.

93. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / [Е. Б. Абросимова и др.]; отв. ред. В. Е. Чиркин; Ин-т государства и права РАН. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 655 с.

94. Коркунов, Н. М. Русское государственное право. Введение и общая часть. – СПб., 1899. – 630 с.

95. Лапаева, В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 580 с.

96. Лебедев, В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). Москва: Изд-во Моск. ун-та. 2005. С. 143.

97. Лютов, Н. Л., Черных, Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов: монография. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.

98. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – 248 с.

99. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. – М.: Статут, 2011. – 830 с.

100. Нарутто, С. В., Колмаков, С. Ю. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие / под ред. С. В. Нарутто. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 360 с.

101. Основы государства и права: Учеб. пособие для поступающих в юридические вузы / Под ред. академика О.Е. Кутафина. – 7-е изд., перераб. и доп. –М.: Юристъ, 2000. – 296 с.

102. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. О. Е. Кутафина. – М.: ЗАО «Библиотека «Российской газеты», 2003. – 336 с.

103. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 512 с.

104. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е.А. Громовой. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.

105. Саликов, М. С., Несмеянова, С. Э., Колобаева, Н. Е., Кузнецова, С. С., Мочалов, А. Н. Право на доступ в Интернет, анонимность и идентификация пользователей (конституционно-правовые проблемы) / Под ред. М. С. Саликова – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. – 167 с.

106. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. – 512 с.

107. Умнова, И. А. Цифровое развитие и права человека монография / И. А. Умнова-Конюхова, Е. В. Алферова, И. А. Алешкова; под общ. ред. И. А. Умновой-Конюховой, Российская академия наук, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), [Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел правоведения]. – М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2021. – 173 с.

108. Цифровое право: учебник для студентов юридических вузов и факультетов, обучающихся по направлениям подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры) и 40.06.01 (уровень подготовки кадров высшей квалификации) / [А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев и др.]; под общей редакцией профессора В. В. Блажеева, профессора М. А. Егоровой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2020. – 637 с.

109. Чурилов, А. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный) / А. Ю. Чурилов. – М.: Юстицинформ, 2024. – 404 с.

110. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2013. – 574 с.

111. Dowd, R. The Birth of Digital Human Rights: Digitized Data Governance as a Human Rights Issue in the EU // Palgrave Macmillan Cham. – 2022. – 274 p.

112. Drucker, P.F. Managing in a Time of Great Change. – New York: Truman Talley Books/Dutton, 1995. – 371 p.

113. Jellinek, G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Tübingen: Mohr Siebeck, 1919. – 382 p.

114. Mustonen J. The World's First Freedom of Information Act Anders Chydenius' Legacy Today. – Kokkola: Anders Chydenius Foundation, 2006. – 106 p.

Авторефераты и диссертации

115. Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: специальность 12.00.01 / Азизов Рашад Фикрат оглы; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2017. – 58 с.

116. Варламова, Н. В. Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. – М., 2024. – 817 с.

117. Волкова, Г. Е. Цифровые права человека: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. – Ростов-на-Дону, 2025. – 223 с.

118. Дейнеко, А. Г. Публично-правовое регулирование отношений по реализации и защите прав и свобод личности в условиях развития современных информационных технологий: дис. ... доктора юрид. наук: 5.1.2. – М., 2026. – 490 с.

119. Должиков, А. В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Тюмень, 2003. – 226 с.

120. Короткова, М. В. Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – Саратов, 2014. – 204 с.

121. Мехдиев, Т. Э. Правопорядок цифрового пространства: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Мехдиев Турал Эльшад оглы; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.04)]. – М., 2023. – 218 с.

122. Мушаков, В. Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. – 238 с.

123. Хуснутдинов, А. И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2024 – 271 с.

124. Щербович, А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2013. – 250 с.

Статьи в периодических изданиях и на официальных Интернет-ресурсах

125. Алекси, Р. Существование прав человека // Правоведение. – 2011, № 4. – С. 21–31.

126. Алферова, Е. В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 31 - 36.

127. Арановский, К. В., Князев, С. Д., Хохлов, Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 61 – 91.

128. Бондарь, Н. С. Информационно-правовое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25 – 42.

129. Бурьянов, М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. – 2020. – №3. – С. 54 – 70.

130. Варламова, Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. –Т. 14. –№ 4. – С. 9 – 46.

131. Варлен, М. В. Достоинство личности: проявившиеся угрозы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – 1(9). – С.176 –184.

132. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111 – 118.

133. Вашурина, С. С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № (1). – С. 74-83.

134. Виноградов, В. А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 72 - 87.

135. В Совфеде рассказали, каким станет Цифровой кодекс России // Ассоциация юристов России: официальный сайт. – URL: https://alrf.ru/news/v-sovfede-rasskazali-kakim-stanet-tsifrovoy-kodeks-rossii/ (дата обращения: 06.11.2026).

136. Гаджиев, Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России / Г. А. Гаджиев. – URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_Гаджиев_2016.pdf (дата обращения: 06.11.2026).

137. Грачева, С. А., Черемисинова, М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 56 -70.

138. Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. – URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

139. Карташкин, В. А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерение // Вестник РУДН. – 2022. – № 4. – С. 949 – 962.

140. Ковлер, А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. – 2022. – № 12. – С. 5 – 29.

141. Ковлер, А. И., Семилютина, Н. Г. Цифровизация и вопросы прав человека в реалиях современного мира // Журнал российского права. – 2024. – № 10. – С. 5 - 16.

142. Колозариди, П. В., Шубенкова, А. Ю. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза // Журнал исследований социальной политики. – Том 14. – № 1. – С. 39 – 54.

143. Комарова, В. В. Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 63 – 72.

144. Комарова, В. В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 38 – 46.

145. Комкова, Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. – № 3 (39), 2016. – С. 31 – 39.

146. Костенков, К. А. Цифровые технологии в избирательном процессе: доверие граждан и достоверность результатов // Образование и право. – 2023.– №11. – С. 67 – 70.

147. Костенков, К. А. Динамика становления доктрины информационных прав // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. –№ 2 (36). – С. 193-202.

148. Костенков, К. А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 1. – С. 29-32.

149. Костенков, К. А. Искусственный интеллект и права человека: риски взаимодействия // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 224-234.

150. Клычев, Р. А. Информационно-коммуникационная сеть Интернет как средство реализации конституционных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 16 – 19.

151. Кравец, И. А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 9. – С. 9 – 15.

152. Кравец, И. Многомерный кризис и цифровое будущее конституционализма как мировоззренческой платформы // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 5 (156). – С. 11–36.

153. Кравчук, Н. В. Право на забвение: интернет и проблемы прав человека // Россия и современный мир. – 2016. – № 2. – С. 231 – 238.

154. Кравчук, Н. В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий (обзор) // Государство и право в новой информационной реальности. – 2018. – №. 1. – С. 184 –194.

155. Крылатова, И. Ю. Механизм реализации и механизм защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 210 – 223.

156. Липчанская, М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // Государственная служба. – № 4. – С. 37 – 41.

157. Минбалеев, А. В. Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. – 2014. – С. 203 – 207.

158. Мочалов, А. Н., Колобаева, Н. Е. Несмеянова, С. Э. Право на доступ в Интернет: юридическое содержание и механизм реализации // Антиномии. –2021. – Т. 21, вып. 3. – С. 135 – 163.

159. а развитие домашнего интернета в РФ могут потратить 287 млрд рублей // Известия. – 2024. – 30 сентября. – URL: https://iz.ru/1766875/2024-09-30/na-

razvitie-domashnego-interneta-v-rf-mogut-potratit-287-mlrd-rublei (дата обращения: 06.11.2026).

160. Невинский, В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – №11. – С. 26-32.

161. Нечкин, А. В., Истомин, М. А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети «Интернет» на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. –17(1). – С. 90 – 104.

162. Никитина, Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 27-44.

163. Нуссбергер, А. Новые конституционные права в Основном законе Германии // Сравнительное конституционное обозрение. –2023. – № 5 (156). – С. 51 –57.

164. Нуссбергер, А. Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями?: Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. – Т.33. – 2024. – №2(159). – С. 89 – 101.

165. Обеспечение защиты прав человека в цифровую эпоху // Канцелярия Генерального секретаря ООН по цифровым и новейшим технологиям: официальный сайт. – URL: https://www.un.org/digital-emerging-technologies/ru/content/digital-human-rights (дата обращения: 06.11.2026).

166. Остапович, И. Ю., Нечкин, А. В. (2022). Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения и баланса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – № 13(2). – С. 565–580.

167. Парламент Кыргызстана принял в первом чтении проект Цифрового кодекса // Российское агентство правовой и судебной информации: официальный сайт. – 2024. – 12 декабря. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20241212/310493231.html (дата обращения: 06.11.2026).

168. Подмарев, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. С. 9 – 17.

169. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. – 2020. – №10 (525). – С. 3 – 12.

170. Рудинский, Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. – 2000. – № 31. – С. 42 – 81.

171. Румянцев, А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – №6(145). – С. 70 – 105.

172. Садовникова, Г. Д. Конституционализация социально-экономической сферы и социальное благополучие человека // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 30 - 33.

173. СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ // СПЧ. – URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_ polo zh enii_del_s_pravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/.

174. Стукалов, А. С. Европейская модель регулирования информационных отношений в сети Интернет // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – №1. С. 129 – 132.

175. Талапина, Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. – № 2. – 2019. – С. 41 – 54.

176. Талапина, Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 70 – 83.

177. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 122–146.

178. Талапина, Э. В. Зашита персональных данных: нюансы европейской модели // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 5 (156). – С. 37 – 50.

179. Талапина, Э. В. Право на забвение: французский опыт // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 42 – 45.

180. Талапина, Э. В. Право на защиту персональных данных с позиции публичного права // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 10. С. 29 – 32.

181. Тихомиров, Ю. А., Талапина, Э. В. О кодификации и кодексах // Журнал российского права. – 2003. – № 3. – С. 47 – 54.

182. Трофимец, И. А. Информационные права человека в цифровом пространстве (к 75-летию Всеобщей декларации прав человека) // Lex russica. – 2024. – №77(4). – С. 98 –108.

183. Трощинский, П. В., Молотников, А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 309 – 326.

184. Уваров, А. А. Конституционные основы обеспечения прав человека в Российской Федерации // Вестник ОГУ. – 2005. – № 3. – С. 180 – 184.

185. Умнова-Конюхова, И. А. Право быть человеком - фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 41 – 46.

186. Умнова-Конюхова, И. А. Концепции прав чело века в современных условиях научно-технологического и цифрового раз вития (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 7 –19.

187. Хабриева, Т. Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. – 2023. – № 12. – С. 5 – 21.

188. Хабриева, Т. Я., Черногор, Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. С. 85 – 102.

189. Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от «31» июля 2025 года № 178. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/230029914/edition/35412/ru?ysclid=msxez5u2e5828448002.

190. Цифровой кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII (с изменениями от 21 октября 2026 г.) // PRG. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38546537 (дата обращения: 06.11.2026).

191. Что должен содержать Цифровой кодекс – мнение экспертов // Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/news/1727243/.

192. Шайо, А., Райан, К. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии // Сравнительное Конституционное обозрение. – 2015. – № 4 (107). –С. 40-61.

193. Швец, Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – 21 (4). –С. 579 – 595.

194. APC Internet Rights Charter // Association for Progressive Communications. – URL: https://www.apc.org/en/pubs/apc-internet-rights-charter.

195. Best practices for effective export control enforcement. URL: https://www.wassenaar.org/app/uploads/2019/consolidated/Best-Practices-for-Effective-Export-Control-Enforcement.pdf.

196. Cerf, V. G. Internet access is not a human right // The New York Times. January 5, 2012. – URL: https://nyti.ms/3FWWArK

197. Coccoli, J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: an Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. – № 1(2). – P. 223-250.

198. Custers, B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // Computer Law and Security Review. – 2022. – № 4. – P. 1 – 13.

199. History of Right of Access to Information // Access Info Europe URL: https://www.access-info.org/2009-07-25/history-of-right-of-access-to-information/.

200. New German Law on Duty of Care in Supply Chain Organization enters into force on 1 January 2023 // Noerr URL: https://www.noerr.com/en/insights/new-german-law-on-duty-of-care-in-supply-chain-organization-enters-into-force-on-1-january-2023.

201. Nunziato, D. C. The Beginning of the End of Inter net Freedom // Georgetown Journal of International Law. – Vol. 45. –2014. – No. 2. – P. 383-410.

202. Penney, J. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins (September 1, 2011) // William Mitchell Law Review. – Vol. 38, – № 1. – 2011. – P. 10 – 42.

203. Riegner, M. Access to Information as a Human Right and Constitutional Guarantee. A Comparative Perspective // Verfassung und Recht in Übersee / Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. – 2017. – №Vol. 50, No. 4. – P. 332 – 366.

204. Karppinen, K. Human rights and the digital. In Tumber H, SW, editors, The Routledge Companion to Media and Human Rights. Abingdon, Oxon: Routledge. – 2017. – P. 95 – 103.

205. Shany, Y. Digital Rights and the Outer Limits of International Human Rights Law // German Law Journal. – 2023. – № 24. – P. 461 – 472.

206. Shany, Yu., Dror-Shpoliansky, D. It's the End of the (Offline) World as We Know It: From Human Rights to Digital Human Rights – A Proposed Typology. // European Journal of International Law. – 2021. – Vol. 32. – Issue 4. – P. 1249 – 1282.

207. Shandler, R., Canetti, D. A reality of vulnerability and dependence: internet access as a human right // Israel Law Review. – 52(1). – 2019. – P. 77 – 98.

208. Yilma, K. Emerging Technologies and Human Rights at the United Nations // IEEE Technology and Society Magazine.– 2023. – Vol. 42. – No. 1. – P. 54-64.

209. ¿Quieres conocer cuáles son los Derechos Digitales propuestas en el proyecto de Nueva Constitución? – URL: https://vti.uchile.cl/que-dice-el-proyecto-de-nueva-constitucion-sobre-los-derechos-digitales/.

Приложение № 1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Вносится субъектом права законодательной инициативы

Проект

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Статья 1

1. Внести в статью 61.4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» следующие изменения:

дополнить частью 21 следующего содержания:

«Проведение дистанционного электронного голосования при проведении выборов (референдума) не должно лишать возможности избирателя (участника референдума) реализации избирательных прав (права на участие в референдуме) с использованием бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, на территории избирательного участка (участка референдума)».

2. Внести в статью 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» следующие изменения:

дополнить частью 4 следующего содержания:

«Обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления, должностному лицу в форме электронного документа с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», иной информационной системы государственного органа или органа местного

самоуправления либо официального сайта государственного органа или органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию граждан (если иное не установлено настоящим Федеральным законом) не должно лишать гражданина возможности обращения в государственный орган, орган местного самоуправления, должностному лицу в письменной форме и (или) устного обращения гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления».

3. Внести в статью 4 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» следующие изменения:

изложить п. 6 в следующей редакции:

«6) возможность получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по выбору заявителя».

Статья 2.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации Москва, Кремль

_____ 20__ год №

_____

Приложение № 2. Проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

Вносится субъектом права законодательной инициативы

Проект

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ИНФОРМАЦИИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ И О ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ»

Статья 1.

1. Внести в статью 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следующие изменения:

изложить часть 1 в следующей редакции:

«Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Статья 2.

1. Дополнить Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьей 17.1 следующего содержания:

«Статья 17.1. Принцип должной осмотрительности.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также оператор информационной системы, владелец сайта в сети Интернет, провайдер хостинга в рамках своих полномочий обязаны проявлять должную осмотрительность с целью недопущения нарушения прав и свобод человека и

гражданина при осуществлении деятельности, связанной с защитой информации, в том числе сети Интернет.

Порядок осуществления принципа должной осмотрительности определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи».

Статья 2.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации
Москва, Кремль _____ 20__ год № _____